

ЮРИСТ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

№ 1 – 2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

В.В. Гриб, член Президиума Ассоциации юристов России, председатель Исполкома Российской академии юридических наук, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, чл.-корр. РАО, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Е.И. Машаров, кандидат юридических наук

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

А.Ю. Рогочая, руководитель службы организационно-юридического сопровождения деятельности «Ассоциация форекс-дилеров» (АФД)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

П.В. Крашенинников, председатель комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству, сопредседатель Ассоциации юристов России, доктор юридических наук, профессор;

Я.А. Арт, главный редактор ООО «Финверсия», эксперт Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, член-корреспондент Международной академии менеджмента, член-корреспондент Международной академии экономики, финансов и права, кандидат экономических наук;

Е.Л. Забарчук, заместитель руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации;

П.П. Серков, первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук;

Т.К. Андреева, заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук;

В.В. Блажеев, ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, сопредседатель Ассоциации юристов России, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор;

А.В. Филичук, работник органов внутренних дел, экс-глава управления МВД по связям со средствами массовой информации, генерал-майор МВД;

П.Б. Шелищ, председатель ОСОО «Союз потребителей Российской Федерации», кандидат философских наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ИГ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Платонова О.Ф., Ренов Э.Н., Трунцевский Ю.В.

ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

Индекс по каталогам:
«Объединенный каталог. Пресса России» – 38835

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

АДРЕС РЕДАКЦИИ/ИЗДАТЕЛЯ:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7. Тел.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ПИ № ФС 77-65759 от 20.05.2016
ISSN 1818-0728

Подписано в печать 22.01.2020 г. Выход в свет 29.01.2020 г.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа». 248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2. Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0. Общий тираж 2 000 экз. Цена свободная

Фото на обложке: Татьяна Минеева, личный архив.

Содержание

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА

Татьяна Минеева: «В планах развивать институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей в городе Москве и сделать его более заметным, понятным и прозрачным». Интервью с Уполномоченным по защите прав предпринимателей в городе Москве..... 2

Владимир Гамза: «Самая главная задача, которая сегодня стоит перед нами, — создание эффективного трансмиссионного механизма преобразования сбережений в инвестиции». Интервью с председателем Совета ТПП РФ по финансово-промышленной и инвестиционной политике 6

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Амосов С.М., Гнатко Е.А., Симаков Л.Д. Исполнительные действия, меры принудительного исполнения и их отличия..... 10

Кузнецов Д.А. Уголовная ответственность за незаконную археологическую деятельность..... 14

Либет М.А. Международно-правовые проблемы кибербезопасности..... 17

Мугдусян А.В. Некоторые проблемы использования примирительных процедур при разрешении налоговых споров и возможные пути их разрешения..... 20

Поляница К.Э. Актуальные вопросы правового режима принудительной реорганизации юридических лиц по российскому законодательству..... 24

Саликов Д.А. Содержание терминов «криптовалюта» и «токен» в праве России, Германии и США..... 27

Чеметева Ю.В. Особенности терминологии в юридическом дискурсе..... 30

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2019 года..... 34

Отвечаем на ваши вопросы (с участием СПС ГАРАНТ) 43

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Использование материалов в других изданиях допускается только с письменного согласия редакции.

Ссылка на журнал обязательна.

Татьяна Минеева: «В планах развивать институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей в городе Москве и сделать его более заметным, понятым и прозрачным»

Уполномоченный по защите прав предпринимателей в городе Москве, председатель Общественного совета при Департаменте образования города Москвы Татьяна Вадимовна Минеева рассказала читателям журнала «Юрист спешит на помощь» о работе института Уполномоченного по защите прав предпринимателей, проблемах бизнес-сообщества, поделилась планами на 2020 год.

фото: Личный архив Татьяны Минеевой

— Татьяна Вадимовна, расскажите, какие вопросы деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей в городе Москве будут в работе в 2020 году?

— В планах развивать институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей в городе Москве (далее — уполномоченный, омбудсмен) и сделать его более заметным, понятым и прозрачным. Институту

уполномоченного в Москве, как и в России, уже почти шесть лет. Обращения предпринимателей всегда были, на них квалифицированно отвечали мои предыдущие коллеги, но именно созданием инфраструктуры по защите бизнеса никто никогда не занимался. Поэтому за 2019 год была полностью сформирована инфраструктура для защиты прав предпринимателей, в этих целях были созданы Общественный совет и Экспертный совет. С нуля создан институт Pro bono publico, который насчитывает около 90 отраслевых юристов, адвокатов, экспертов.

Впервые в России учреждена палата общественных уполномоченных. Это новый орган по медиации, по общению между бизнесом и властью, где общественные уполномоченные — известные предприниматели, лидеры рынка, лидеры, которые представляют либо сектор экономики, либо орган контрольно-надзорной деятельности, либо правоохранительные органы.

Также образовано 10 общественных приемных.

Общественные приемные создаются для того, чтобы вести диалог с бизнесом «на земле», то есть каждый предприниматель у себя на территории должен знать, что, если есть общественная приемная, не обязательно приезжать в центр Москвы. Поэтому можно в общественной приемной получить консультацию «под ключ» по обращению любого характера.

И важным является инструмент, созданный также по запросу бизнеса, — центр медиации, который возглавляет Анатолий Григорьевич Кучерена. Когда ко мне поступают обращения от предпринимателей и я вижу, что нарушены права со стороны органов власти, мы с коллегами рассматриваем их в рамках закона. Но, когда интересы предпринимателей нарушены со стороны другого бизнеса, когда идет спор уровня «бизнес — бизнес», по закону я не имею права им заниматься, это вне моей компетенции. Нет смысла отправлять предпринимателям письма, говорящие, что мы не можем им помочь по формальным основаниям, как это часто бывает у чиновников. Таких ответов бывает по всей стране достаточно много, очень часто бизнес с бизнесом самостоятельно не может договориться. До суда дело тоже не хочется доводить, потому что бизнес потеряет все деньги на юристов и адвокатов, вопрос будет решаться долго. Поэтому центр медиации благодаря профессиональному опыту и поддержке Анатолия Кучерены может заниматься именно такими сложными вопросами коммуникации. Это новый инструмент, который действительно для Москвы очень востребован.

Также у нас создан Московский филиал федерального центра общественных процедур «Бизнес против коррупции», который называется «Защита бизнеса». В полную мощь он начнет работать с 2020 года, там будут рассматриваться наиболее резонансные дела. Это известные дела, сложные, дела, по которым мы должны привлекать общественность, средства массовой информации. Дела, где без роли общественности предпринимателей нам никак не защитить. Этот инструмент в России работает, все защищают тех, кого, по словам общества, обижают. Я считаю, что у предпринимателей тоже должен быть такой ресурс, и вместе мы будем, в том числе и через этот инструмент, добиваться защиты прав предпринимателей. Основная цель на 2020 год — развить то, что создано в 2019 году, и сделать каждый элемент структуры понятным, доступным. Это нужно для того, чтобы каждый бизнесмен знал, что он может обратиться в тот или иной инструмент по поддержке (защите) прав бизнеса.

Отмечу, что в 2019 году количество письменных обращений выросло в два раза, количество устных обращений уже сейчас выросло в пять раз по сравнению с 2018 годом. Я не ставлю себе задачей увеличить количество обращений. Для меня идеально, если вообще в России не будет бизнес-омбудсменов, чтобы права предпринимателей не нарушались либо проблемы разрешались автоматически. К сожалению, пока это невозможно. Поэтому мы будем доводить до

каждого предпринимателя эту информацию. И наша сильная сторона в том, что мы умеем вести диалог с бизнес-сообществами, а в Москве это не только «большая четверка»: ТПП, «Опора России», РСПП, «Деловая Россия», но и Московская Ассоциация предпринимателей, еще есть более ста отраслевых бизнес-объединений Москвы. Именно с ними никто и никогда диалог не вел. А для того чтобы менять законодательство, улучшать инвестиционный климат, понимать, какие есть «узкие» места в законах, нужно спускаться «вниз», на очень узкоотраслевые объединения, к которым я сама прихожу, и мы выявляем, с какой проблематикой они сталкиваются, что конкретно нужно поменять.

— Тогда, для того чтобы прийти до этих отраслевых объединений, Вами было инициировано создание Общественного совета при уполномоченном?

— Да, в Общественный совет вошли 90 общественных представителей, 90 членов. Конечно, большее число из палаты общественных омбудсменов. Они и так уже являются общественными омбудсменами и представляют какое-либо отраслевое сообщество, либо они в «бизнес-четверке», возглавляют какие-то важные комитеты. Но также туда входят руководители профессиональных отраслевых бизнес-сообществ. Я не могу их пока назначить общественными уполномоченными — не все из них умеют разговаривать с властью, конструктивно формулировать повестку, перекладывать на бумагу свои инициативы и подключать юристов (хотя мы сами на безвозмездной основе предоставляем этих юристов для подготовки всех законопроектов). Это люди, которые только начинают вести диалог. Я им даю вход на эту площадку, для того чтобы они слышали, как мы работаем по другим отраслям и инициативам, пробиваем бизнес-повестку во власти. А потом уже «шаг за шагом» они включаются в наши рабочие группы, которых уже более двадцати (22 рабочие группы). И там они начинают понимать, как вести диалог с властью, кто такие чиновники, каким образом строить с ними общение, как нужно готовить документы.

Создан некий образовательный продукт. Я поставила себе задачу внедрять его в 2020 году: мы запустим «Школу омбудсмена», которая будет учить вести диалог с властью, учить правилам игры. У меня есть книга «Как дружить с государством», там расписана вся методика.

В школу омбудсмена мы будем учить тех предпринимателей и экспертов, которые не знают об этом. Но учить их будут не преподаватели вузов, известные научные деятели, как это обычно бывает, а учить будут

те предприниматели, которые уже в команде и знают, как это делается. В команде они занимаются этим не с «нуля», они долгие годы работают в «Деловой России», «Опоре России», в Торгово-промышленной палате. Поскольку они давно этим занимаются, такая профессиональная поддержка с образовательными занятиями будет внедряться в массы. И «Школа омбудсмена», кстати, еще и на более качественном уровне выносит такой тренд, как «Общественный контроль». То есть мы сейчас все говорим о том, что общественный контроль заключается в том, что мы даем возможность обществу смотреть, как у нас исполняются законы, соблюдаются права. А вот именно в защите прав предпринимателей со стороны общественного контроля можно сделать такой подход, что законы будут исполняться, права будут защищаться. Но для этого нужны те люди, которые знают «правила игры», будут помогать нам, региональным бизнес-омбудсменам, которые тоже существуют в рамках закона. У общественных работников больше возможностей, они могут «стучать» во все двери и громко говорить об этом средствами массовой информации.

— Похоже, что у Вас сейчас хорошо налажена обратная связь с бизнес-сообществом. А с какими вопросами представители бизнес-сообщества обращаются к Вам чаще всего? Какие проблемы их волнуют: инвестирование бизнеса, инвестирование малого предпринимательства, развитие стартапов? Есть ли у Москвы как у столицы какие-либо особенности ведения предпринимательской деятельности, направления, которые нужно развивать?

— Да, конечно. У нас, к сожалению, в первой тройке всех поступающих обращений по уголовно-правовому направлению находятся вопросы необоснованного уголовного преследования. Поэтому основное, что нужно сейчас сделать, это внести изменения в ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации и не применять ее дополнительно к «предпринимательским» статьям (часть 4 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации). Об этом говорят все бизнес-сообщества, наша рабочая группа, порядка 30 человек — эксперты в области адвокатуры и юриспруденции, представители бизнеса. Мы эту законодательную инициативу оформили в виде конкретного проекта закона. Наша задача совместными усилиями продолжать ее развивать. Этим вопросом также занимается Борис Юрьевич Титов; я стараюсь сейчас усилить на этом внимание в рамках общих инициатив о внесении изменений в законодательство об уголовном преследовании.

Около 15% из числа обращений гражданско-правового характера занимает блок имущественно-земельных отношений. Это в основном вопросы к региональной власти. По ним мы отработываем отдельные кейсы. Пока у нас есть время только на то, чтобы собрать все эти нарушения, как мы считаем, и определить, где эта системная проблема, что именно необходимо изменить в нормативных актах. В 2020 году мы займемся именно инициативами по изменениям блока норм имущественно-земельного законодательства, его региональной частью.

Далее следуют обращения о проверках предпринимателей — они их замучили. Несмотря на то что государство делает все прозрачно, вывешиваются все планы проверок, стало очень много внеплановых проверок, о которых предприниматели не знают. Очень часто недобросовестные предприниматели пишут заявления на предпринимателей-конкурентов, и это процесс, который невозможно проконтролировать. Но это факт, что предпринимателей обременяют проверки, — таких обращений много. Мы говорим всем предпринимателям, что у них есть право приглашать на эти проверки бизнес-омбудсмена (эта норма установлена законодательством), — не все предприниматели об этом знают.

В рамках контрольно-надзорной деятельности мы системно подходим к теме регуляторной гильотины. Мы создали рабочие группы: у нас есть, например, общественный уполномоченный по вопросам взаимодействия с МЧС. Очень важно, чтобы каждый работающий в Москве предприниматель знал, что, если у него есть инициативы, он должен их нам принести, для того чтобы позже было проще аккумулировать мнение. Чтобы потом не получилось, что регуляторная гильотина случилась в нашей стране, а бизнес снова сказал, что его никто не предупредил. Поэтому работу мы сейчас по ней ведем. Это сложно, но она идет, и мы подключаем средства массовой информации для этой тематики. У нас в Правительстве Москвы есть отдельный министр, отвечающий за контрольно-надзорную деятельность — Евгений Данчиков; информацию мы ему всю передаем, дисконмуникации между нами нет. Вот когда информация направляется напрямую в федеральные органы власти, региональному омбудсмену и предпринимателям намного сложнее. Но мы внедрили 13 своих общественных уполномоченных (общественных омбудсменов) в федеральные рабочие группы. У нас есть вся информация о том, что будет происходить на федеральном уровне. Важно, чтобы в каком-то отдельном регионе мы начали пробовать изменения, тогда регуляторная

гильотина у нас пройдет более мягко и бизнес будет к ней готов.

Это основные направления. Есть очень много обращений и по налоговым органам, по Федеральной антимонопольной службе, но это разрешается в индивидуальном порядке.

— Нашим читателям интересны вопросы образовательной деятельности и предпринимательства несовершеннолетних лиц. Расскажите, каким образом строится работа в этом направлении?

— Проблемы образования мне близки. Я многодетная мама, у меня трое детей. Я до сих пор общаюсь с коллегами по образовательному блоку и знаю, что дети сейчас занимаются бизнесом с 12 лет. Законодательство наше не готово к тому, чтобы дети занимались бизнесом легально. Куда же обратиться ребенку, если он хочет заниматься бизнесом и у него это получается? Соответственно, у нас есть отдельный общественный уполномоченный по детскому предпринимательству, и мы осуществляем вместе с ним активную обучающую программу «Менторство и наставничество в школах», то есть наши известные предприниматели рассказывают о том, каким образом нужно заниматься бизнесом, как они достигли успеха, делятся своим опытом. Например, у нас есть один общественный уполномоченный по цифровой медицине, сам он специалист IT. Средний возраст его сотрудников 25 лет. Соответственно, он готов с 16–18 лет брать к себе на практику и стажировку молодых специалистов. Детское предпринимательство идет полным ходом, и Москва, конечно, в этом плане впереди всей страны. Поэтому очень хочется разработать также механизмы по поддержке детского предпринимательства, для того чтобы они были реализованы, а дети были в рамках правового поля. Это важно, потому что многие говорят, что не хотят платить налоги, — сильное влияние оказывает информационный фон. По этому направлению мы активно работаем с Агентством стратегических инициатив и, наверное, в 2020 году займемся более детальной разработкой механизмов, вводящих детей-предпринимателей в правовое поле.

— И, наверное, от детей больше всего идет предложений по развитию стартапов?

— Конечно, сейчас уже любой ребенок может сделать логотип, IT-продукт, что-то подобное. Дети сейчас

хотят это делать за деньги. Но объяснить им, что нужно платить налоги государству, регистрировать патенты, очень сложно. Популяризацией предпринимательства в школах занимаются мало. Есть общая программа, но выявить того, кто придет на этот курс, сложно. Как правило, ребенок, который уже занимается бизнесом, не ходит на него. Вот тут мы с Агентством стратегических инициатив как раз и раздумываем, какой механизм использовать, чтобы дети занимались бизнесом, и это было легально, и чтобы они платили налоги.

— Мы знаем, что в 2019 году Вами велась работа по написанию стандарта по защите бизнеса. Что это за стандарт и как движется работа по нему сегодня?

— Действительно, идея стандарта защиты бизнеса не нова, я занималась ею еще до того, как стала бизнес-омбудсменом. Основная цель — чтобы он был применим в каждом регионе страны (когда я работала на федеральном уровне, я популяризировала эту идею). Сейчас, работая в Москве, понимаю, что это очень большой регион и отдельный административный округ сопоставим с несколькими регионами Российской Федерации. Основная цель стандарта защиты бизнеса в том, чтобы в каждом административном округе Москвы была создана необходимая инфраструктура по защите прав предпринимателей. Сейчас полным ходом через созданные общественные приемные, через консультирование предпринимателей, через защиту с помощью института *Pro bono publico* мы этот стандарт давно реализуем. Хочется, чтобы каждый префект, каждый прокурор административного округа знал, что по этому стандарту они должны двигаться, работать (по примеру введенного стандарта АСИ — стандарта инвестиционного климата). Это позволит каждому предпринимателю знать, что там, где он занимается бизнесом, есть куда пойти за поддержкой, за помощью, к кому обратиться. Это хорошо как для предпринимателей, так и для чиновников. Этот стандарт у нас разработан, мы продолжаем его обсуждать с бизнес-сообществом, он будет включен в доклад мэру Москвы в 2020 году. Планируем рекомендовать его к внедрению, но, даже если он не будет принят, в любом случае мы работаем по его содержанию.

Беседу вела
Алена Рогочая

Владимир Гамза: «Самая главная задача, которая сегодня стоит перед нами, — создание эффективного трансмиссионного механизма преобразования сбережений в инвестиции»

Председатель Совета Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по финансово-промышленной и инвестиционной политике Владимир Андреевич Гамза в интервью нашему журналу рассказал о работе совета, актуальных проблемах увеличения объема инвестиций, факторах экономического роста.

фото: <https://yandex.ru/images/search?text>

— Одной из основных целей деятельности Совета по финансово-промышленной и инвестиционной политике Торгово-промышленной палаты Российской Федерации является участие в формировании единой государственной финансово-промышленной политики. Расскажите нашим читателям об основных задачах совета на 2020 год, поставленных для реализации этой цели. Какие векторы работы совета будут выбраны в 2020 году?

— Вся логика экономического развития страны содержится в майском Указе Президента Российской

Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». При этом мы совершенно точно отдаем себе отчет в том, что те задачи, которые поставил президент, крайне актуальны и необходимы для нашей страны. Если экономика не выйдет на достаточно высокие темпы развития, мы будем находиться в состоянии отставшего развития, поскольку только так можно назвать развитие в размере 1% роста ВВП. Прежде всего по уровню экономического развития мы отстаем от развитых стран, а также от многих развивающихся, где темпы роста составляют примерно 5–6%. В этом смысле основная задача совета как объединения предпринимателей заключается в выработке таких предложений для органов власти и бизнеса, которые позволили бы мобилизовать необходимые источники инвестиций на финансовом рынке для достижения поставленных президентом задач. Если говорить конкретно, то самая главная задача, которая сегодня стоит перед нами, — создание эффективного трансмиссионного механизма преобразования сбережений в инвестиции. На сегодняшний день в стране сложилась парадоксальная ситуация: на финансовом рынке около 120 триллионов рублей сбережений в рублях и иностранной валюте, тогда как объем инвестиций — всего 18 триллионов рублей. Именно это противоречие необходимо преодолеть, для того чтобы объем инвестиций достигал более 25% ВВП, сегодня это 17%.

— В одном из последних интервью Вы отметили, что государству необходимо сосредоточиться на политике реального импортозамещения. Для этого необходимо, чтобы заработал трансмиссионный механизм. Поясните, каким образом он должен заработать и что необходимо для этого предпринять органам государственной власти? Какой будет экономический эффект?

— Сегодня есть несколько ключевых проблем, которые не позволяют увеличить объемы инвестиций, несмотря на наличие больших объемов сбережений. Первая такая проблема касается вопроса доверия среди участников экономических отношений. В первую очередь такие отношения затрагивают проблемные вопросы доверия населения к власти, доверия бизнеса к власти, доверия населения к бизнесу и доверия власти к бизнесу. Сегодня так и не сформировалось необходимое пространство взаимного доверия для широкого инвестирования. Я думаю, что власть сегодня просто обязана больше не нарушать своих обязательств с точки зрения создания обстановки доверия в инвестиционной сфере. Не секрет, что власть на протяжении 25 лет строительства рыночной экономики неоднократно нарушала возложенные на нее те или иные обязательства. При этом стоит понимать, что подобное нарушение не было односторонним, и бизнес, и население также не раз создавали проблемы для экономики страны, не выполняя своих обязательств по ведению чистого и открытого бизнеса и уплаты налогов. Здесь все так взаимосвязано, что никто, кроме власти, не способен создать обстановку подлинного доверия. В свою очередь, для того чтобы у инвестора появился интерес к вложению средств в экономику, надо сделать так, чтобы инвестор понимал, что эти вложения не только принесут ему необходимый доход, но и будут надежными. Он должен понимать, что его интересы будут защищены. Но, как это обычно и бывает, здесь есть ряд проблем, требующих своевременного разрешения. Одна из таких проблем — стабильность экономического роста. К сожалению, мы никак не можем его обеспечить, у нас постоянно случаются какие-то кризисы, провалы и т.д. Поэтому населению надежнее вложить деньги в Сбербанк и дальше не заморачиваться, не иметь сопутствующих инвестированию рисков. У нас сегодня такая страна — «кубышка». Мы все вкладываем в сбережения, поэтому обижаться на бизнес и население, которые не вкладывают деньги в инвестиции, нет никаких оснований, поскольку нет и стабильного экономического роста. Второй блок проблем касается

надежности и защиты прав и интересов инвесторов. Ни для кого не секрет, что сегодня у нас правосудие не обеспечивает надежного и справедливого решения по экономическим спорам. Третий блок — сами инструменты вложения денег в инвестиции. При этом здесь также есть ряд проблем, которые необходимо разрешить. Во-первых, необходимо до конца доработать используемый во всем мире инструмент проектного финансирования. Сегодня существуют отдельные элементы проектного финансирования, но нет комплексного решения вопросов проектного финансирования. К примеру, в России напрочь отсутствуют инвестиционные банки и комплексное законодательство о проектном финансировании. Хотелось бы отметить и положительные моменты. С прошлого года началась реализация принятых в 2017 году изменений в закон о рынке ценных бумаг, появились такие новые инструменты использования финансов фондового рынка, как биржевые и коммерческие облигации. Уже сейчас мы видим, что они начинают работать. Есть надежда, что фондовый рынок начнет занимать большую долю в проектном финансировании инвестиций. Тем не менее объем на финансовом рынке кредитных организаций составляет почти 90% активов, все остальные инвестиционные инструменты занимают всего лишь 10%. Не лишним также будет отметить, что в этом году принят закон об инвестиционных платформах для краудфандинга, поэтому есть надежда, что тот огромный объем сбережений, который есть у населения, начнет поступать в бизнес в качестве инвестиций.

— Каким будет экономический эффект?

— Есть примерные показатели, которые говорят о зависимости экономического роста от инвестиций. Рост инвестиций примерно 2% в год дает примерно 1% экономического роста. Если мы сможем достичь реального ежегодного роста инвестиций в 8–10%, то обеспечим экономический рост в 4–5%. На самом деле, я не считаю, что сегодня у нас есть возможность резко поднять темпы экономического роста до 7–8%. Это все фантазии. Было бы вполне приемлемо, если бы мы каждый год увеличивали экономический рост на 1–1,5%. Это позволило бы достаточно быстро выйти на рост 4–5% в год. Если бы мы удерживали этот рост, тогда наш рост был бы догоняющим относительно среднего мирового роста. Да, стоит признать, что рост был бы все-таки ниже ряда развивающихся стран, особенно азиатских, но он бы приобрел более высокий темп роста относительно мира в целом.

— Одной из причин отставания экономического роста России является некий «замкнутый круг» между низким уровнем производства валового внутреннего продукта на душу населения, низкой покупательной способностью, слабым ростом внутреннего рынка потребления и слабым ростом потребляемого внутри страны ВВП. Как разорвать этот «замкнутый круг» и что для этого нужно предпринять?

— Низкий уровень доходов населения не позволяет обеспечить высокий экономический рост, поскольку нет оснований для увеличения объемов производства. Последнее верно лишь потому, что уровень доходов не обеспечивает потребление этого высокого роста. Тем не менее стоит понимать, что выход из этого «замкнутого круга» есть. Дело в том, что годовой импорт России сегодня составляет около 250 млрд долларов, а это то, что совершенно точно мы можем заместить своим внутренним собственным производством. Сделав так, мы увеличим производство валового продукта, тем самым увеличив доходы и покупательную способность населения. Мы, к сожалению, сделали крен на рост экспорта за счет преференций, которые предоставляются экспортерам. Однако это не совсем правильное решение, поскольку для начала необходимо создать наше внутреннее производство, которое обеспечило бы по уровню качества и цены конкуренцию импорту. Именно тогда у нас и появится возможность заместить импорт и на этой базе обеспечить высокий рост ВВП. Сегодня, к сожалению, наша страна по уровню ВВП на душу населения занимает 50-е место в мире. Для того чтобы вырваться из этого «замкнутого круга», нам нужно поднять рост ВВП и естественные доходы населения. В итоге мы придем к другому «кругу», в котором рост производства будет вести к росту доходов населения, а рост доходов населения, в свою очередь, к росту производства. То есть без повышения конкурентоспособности товаров, производительности труда мы не сможем выйти из «круга», снизить импорт и увеличить экспорт. При этом совершенно очевидно, что на основе старых советских технологий решить эту задачу невозможно, поэтому необходимы инвестиции для модернизации отечественной промышленности.

— Расскажите нашим читателям о работе комиссий совета. Каким необходимым «инструментарием» для решения поставленных перед советом задач обладают комиссии? В чем заключается их основная функция?

— С самого начала образования совета было принято решение создать комиссии по направлениям работы. Совет по финансово-промышленной и инве-

стиционной политике включает в себя комиссии по государственным программам и институтам развития, по денежно-кредитной политике, по кредитному рынку, по фондовому рынку и инвестициям, по корпоративным финансам, по цифровым финансовым технологиям, по институциональным инвесторам, по развитию региональных финансовых институтов, по финансовой безопасности, а также подкомитет по лизингу и экспертный совет по инвестиционным проектам. В начале своей деятельности мы определили, что именно эти направления являются ключевыми. Как правило, во главе этих комиссий стоят представители отраслевых финансовых ассоциаций или крупнейших финансовых институтов. Если необходимо решение комплексных задач, то эти комиссии обеспечивают сбор мнений всего совета.

— Расскажите нашим читателям о работе комиссии Совета по государственным программам и институтам развития. Какие вопросы деятельности Комиссии сегодня на повестке дня?

— Вопросов действительно много. Во-первых, весь прошлый год мы работали над национальными проектами развития России. Совершенно понятно, что ключевые позиции в нацпроектах занимают институты развития, поэтому весь нынешний год мы пытаемся наладить эффективную, разумную реализацию этих нацпроектов. Есть институты развития, к которым претензий по большому счету нет. Например, Фонд развития промышленности в тех рамках своих возможностей, которые предоставило ему государство, делает все возможное для модернизации российской промышленности. Есть, конечно, институты развития, к которым есть определенные вопросы. Прежде всего это институты поддержки малого и среднего предпринимательства. Мне кажется, что они настолько увлекаются развитием своей структуры, что забывают о деятельности по поддержанию малого и среднего бизнеса. К другим институтам развития вопросы также есть. Самая главная проблема — наши институты развития пытаются все время превратиться в коммерческие структуры, создать огромную инфраструктуру и начать самим непосредственно обслуживать клиентов, потребителей услуг. Это ключевая ошибка. Все институты развития должны работать через аналогичные рыночные институты, для того чтобы обеспечить и их развитие.

— Участвует ли совет в нормотворческой деятельности по вопросам своей компетенции? Если да, то каким образом и в отношении каких нормативных документов?

— Мы понимаем, что если есть проблема, то она носит прежде всего нормативный характер. Без правильного регулирования деятельности очень сложно достичь желаемых результатов. Иногда властными органами могут приниматься какие-то локальные решения, но они в действительности не разрешают проблемы, а нередко даже приводят к обратным результатам. Нужно прекратить суетливую нормотворческую деятельность, необходимо спокойно подойти к ее разрешению. Иногда проблемы бывают настолько сложные, что их разрешение требует нескольких лет усилий. Совет активно участвует в нормотворческой деятельности по всему спектру своих компетенций, опираясь на эффективную работу соответствующего департамента ТПП РФ.

— Каким образом в последние годы складывается мировая практика по финансированию предприятий и как происходит инвестирование экономических проектов в Российской Федерации? Какая доля инвестиционного фонда приходится на государственные и собственные средства? В чем преимущество и недостатки такого инвестирования?

— В целом, по данным ОЭСР, структура мировых инвестиций примерно такая: 2/3 — финансовый рынок, примерно 25% — собственные средства бизнеса, остальные 8–10% — инвестиции со стороны государства. У нас, к сожалению, структура инвестиций ровно наоборот. Собственные средства составляют 2/3, финансовый рынок и государство примерно по 16–18%. Подобная структура и образует «ахиллесову пятю» инвестиционного процесса РФ. Из всего объема инвестиций кредитные организации занимают лишь 11%, из них наши отечественные банки образуют половину, другая половина — банки с иностранным участием. Но при этом банки занимают 90% всех активов на финансовом рынке.

— В ряде докладов Вы обращались к информации по активам секторов финансового рынка России, подготовленной, например, на основе статистики Банка России за 2018 год. Так, на долю банков приходится 89% всех активов, совокупный размер остальных секторов не превышает 11%. Почему происходит такое неравномерное распределение долей? В чем положительный и отрицательный эффект такого распределения?

— Все последние десятилетия рыночная экономика в РФ строилась на основании главенства сырьевой

экономики. Когда была большая избыточная сырьевая рента, тогда для ее обслуживания необходимы были прежде всего банки, то есть определенный объем инвестиций обеспечивала сырьевая рента. Вот почему никто сильно не обращал внимания на остальные секторы финансового рынка, которые, между прочим, во всем мире обеспечивают гораздо больший объем инвестиций, чем банки.

— Каким образом распределены активы секторов финансового рынка в 2019 году?

— Предварительные данные говорят о том, что ситуация кардинально не изменилась.

— Какие рекомендации по формированию эффективной государственной финансово-промышленной политики (обеспечивающей рост современных секторов экономики) Вы можете озвучить для наших читателей? С деятельностью каких органов власти они связаны и по каким направлениям работы они сформулированы?

— Задача государства заключается в том, чтобы у бизнеса были широкие возможности в получении финансирования. Если ты организовал свой бизнес правильно, то у тебя должна быть масса вариантов получения финансирования. Сегодня это основная задача государства. К сожалению, в настоящее время бизнес не может получить широкое финансирование, как я уже говорил ранее, 90% — банковский сектор. Такая модель финансирования малого и среднего бизнеса неэффективна, поскольку это бизнес развивающийся, значит, он всегда экономит на приобретении каких-либо материальных ценностей. Нужно, чтобы государство обратило на это особое внимание. В этом смысле государство должно создать различные инструменты, которые позволят финансировать разные виды бизнеса. Когда основной сегмент финансового рынка банки, то их очень сложно побудить к финансированию. Кредитные организации также должны иметь стимул кредитовать малый и средний бизнес, а не вкладывать деньги в депозиты Центрального банка. Таким образом, актуальная задача государства — развить небанковский финансовый сектор.

Беседу вели
Мария Савина
и **Алена Рогочая**

Исполнительные действия, меры принудительного исполнения и их отличия

Амосов Сергей Михайлович,

профессор кафедры гражданского права и процесса
Байкальского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
info@bgu.ru

Гнатко Елена Александровна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Байкальского государственного университета
gnatko.ea@gmail.com

Симаков Лев Дмитриевич,

студент Байкальского государственного университета
simakov.lev@yandex.ru

Главой 7 закона об исполнительном производстве предусмотрены понятия исполнительных действий и мер принудительного исполнения.

Исполнительные действия, как указывает ст. 64 закона об исполнительном производстве, — это действия, которые совершаются судебным приставом-исполнителем, направленные на создание мер принудительного исполнения, а также на понуждение должника к своевременному исполнению требований исполнительного документа.

В порядке совершения исполнительных действий судебный пристав-исполнитель вправе вызывать заявителя и должника, а также других лиц, запрашивать сведения, необходимые для конкретного исполнительного производства, в том числе персональные данные. С нашей точки зрения, норма, предоставляющая судебному приставу-исполнителю право запроса персональных данных, не соответствует Федеральному закону «О персональных данных»¹. Персональные данные могут запрашиваться должностными лицами государственных и муниципальных органов только в объеме, необходимом для разрешения судебного дела, исполнительного производства. Указанная статья закона об исполнительном производстве не содержит критериев того, какие сведения могут быть необходимы для принудительного исполнения требований исполнительного документа, запрошены судебным приставом-

исполнителем. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что конституционные права могут нарушаться судебным приставом-исполнителем. Согласно ст. 23 Конституции Российской Федерации² каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту доброго имени и чести, в противном случае Кодексом об административных правонарушениях РФ³, Уголовным кодексом РФ⁴ предусмотрена административная и уголовная ответственность для лиц, нарушающих указанное право.

Судебные приставы-исполнители вправе проводить проверку финансовых документов, давать поручения лицам, участвующим в исполнительном производстве. Последнее указание представляется необоснованным, поскольку понятие «поручение» не раскрывается законом об исполнительном производстве, в связи с чем неясен объем прав, предоставляемых судебным приставам-исполнителям, и обязанностей лиц, которым выдается поручение.

В порядке исполнительных действий судебный пристав-исполнитель вправе входить в нежилые и жилые помещения, принадлежащие должнику, иным лицам,

¹ О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть 1). Ст. 3451.

² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21.07.2014) // Российская газета. 1993. 12 декабря.

³ Кодекс об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

для исполнения исполнительных документов, а при наличии разрешения старшего судебного пристава в письменной форме при вселении либо выселении входить в данные помещения без согласия должника. Данная норма закона, с нашей точки зрения, нарушает права и законные интересы граждан и организаций, поскольку противоречит Конституции Российской Федерации. Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем, кроме случаев, установленных законом и по судебному решению (ст. 23 Конституции РФ). Представляется, что необходимо обязательное уведомление о проводимых исполнительных действиях, вручение постановления о возбуждении исполнительного производства либо в закон должна быть внесена поправка «входить в жилое помещение без согласия должника при явном противодействии исполнению требований исполнительного документа».

Судебный пристав-исполнитель вправе накладывать арест на имущество, что является действенной мерой исполнительного производства. Однако, как показывает практика, о произведенных арестах имущества, в том числе денежных средств, содержащихся на банковских картах, должник узнает без его извещения приставом-исполнителем, чем нарушаются имущественные права должника (согласно ст. 35 Конституции РФ право частной собственности охраняется законом).

Судебные приставы-исполнители вправе производить оценку имущества должника. Согласно ст. 85 закона об исполнительном производстве оценка имущества производится судебным приставом-исполнителем по рыночным ценам. Критерий различения рыночных / нерыночных цен не приведен законодателем. Однако судебный пристав-исполнитель обязан привлечь оценщика в следующих случаях: оценки недвижимого имущества, ценных бумаг, имущественных прав, драгоценных камней и металлов, коллекционных денежных знаков, предметов, имеющих историческую или художественную ценность, и если стоимость вещи превышает 30 тыс. руб. Вместе с тем не ясно, каким образом пристав может оценить, какую действительную стоимость имеет арестованное имущество, к примеру, в случае, если компьютер, стоимость которого составляет 50 тыс. руб., был куплен в период акционной распродажи за двадцать пять тысяч рублей. Министерством юстиции РФ разработаны методические указания для приставов-исполнителей для оценки арестованного имущества⁵, однако юрист либо экономист по специальности (такие требования предъявляются к образованию судебного пристава-исполнителя) не всегда обладает достаточными знаниями в данной сфере. В таком случае при неправильно проведенной оценке имущества, на которое обращается взыскание, может

быть нарушен принцип, предусмотренный ст. 4 закона об исполнительном производстве, — соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения. В случае если стоимость имущества превышает 30 тыс. руб. либо стороны исполнительного производства не согласны с произведенной оценкой, судебный пристав-исполнитель обязан привлечь профессионального оценщика.

Судебный пристав-исполнитель вправе производить розыск должника, его имущества, розыск ребенка, запрашивать необходимую информацию у сторон, рассматривать ходатайства лиц, которые участвуют в исполнительном производстве, взыскивать исполнительский сбор. Исполнительский сбор предусмотрен ст. 112 закона об исполнительном производстве и является взысканием денежных средств с должника при неисполнении им требований исполнительного документа в установленный срок.

В исполнительные действия судебного пристава-исполнителя входит право обращаться в регистрирующий орган для проведения регистрации на должника его имущества, устанавливать временные ограничения должника на выезд из Российской Федерации. Данное действие судебного пристава-исполнителя возможно в соответствии со ст. 67 закона об исполнительном производстве при неисполнении требований о взыскании алиментов, требований неимущественного характера, иных требований, когда долг составляет 30 тыс. руб. и более. На практике возникает следующая проблема: судебные приставы не уведомляют о возникшей задолженности, к примеру, по алиментам. При этом взыскателем (бывшей супругой, супругом) был подан в Федеральную службу судебных приставов России для исполнения некогда полученный судебный приказ о взыскании алиментов на двух детей. Судебный пристав-исполнитель по данному приказу делает расчет задолженности, которая превышает 10 тыс. руб., и супруга (супругу) Федеральная служба безопасности РФ не выпускает на отдых за границу. Дети ко времени подачи для исполнения судебного приказа могут являться совершеннолетними, в соответствии с чем алиментов на их содержание по семейному законодательству не полагается, но судебный пристав-исполнитель не озаботился выяснением этого вопроса. Снятие указанного ограничения чаще всего возможно путем обращения с заявлением об оспаривании постановления должностного лица службы судебных приставов в районный суд в порядке ст. 128 закона об исполнительном производстве, гл. 22 Кодекса административного судопроизводства РФ⁶.

Существует такая мера исполнительного действия, как временные ограничения на пользование должником специальным правом (ст. 67.1 Закона об исполнительном производстве), которая заключается

⁵ Методические рекомендации по организации работы по оценке арестованного имущества (утв. ФССП России от 24 июля 2013 г. № 01-9) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2013. № 11.

⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

в приостановлении права управления транспортными средствами при неисполнении должником требований о взыскании алиментов, возмещении вреда, причиненного здоровью, имущественного вреда, морального вреда, требований о взыскании административного штрафа, др. Законодатель установил основания, когда временные ограничения на пользование специальным средством не могут применяться. Этими основаниями являются: ограничение специального права лишает должника основного источника средств к существованию, если использование транспортного средства для должника и членов его семьи — единственное средство для обеспечения их жизнедеятельности, если должник инвалид либо на его иждивении находится лицо, являющееся инвалидом I или II группы, задолженность по исполнительному документу не превышает 10 тыс. руб., должнику предоставлена отсрочка, рассрочка исполнения. Вместе с тем представляется, что указанная мера исполнительных действий не вполне соответствует Конституции Российской Федерации, а именно ст. 34, 35, согласно которым каждый имеет право на использование своих способностей и имущества, никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда.

Кроме того, судебный пристав-исполнитель вправе проводить проверку правильности удержания, перечисления денежных средств по исполнительному документу, производить зачет встречных требований и совершать другие необходимые действия.

По поводу исполнительных действий и мер принудительного обеспечения судебный пристав-исполнитель обязан вынести акт индивидуального регулирования⁷ (постановление).

Меры принудительного исполнения — это действия, которые должны быть совершены судебным приставом-исполнителем в целях реализации требований исполнительного документа. Этими мерами являются обращение взыскания на имущество должника. Обращение взыскания на имущество должника означает изъятие имущества и (либо) его реализацию, принудительную реализацию или передачу взыскателю. Закон об исполнительном производстве регулирует очередность взыскания для граждан, индивидуальных предпринимателей и организаций (гл. 8 закона об исполнительном производстве).

Мерой принудительного исполнения является обращение на периодические выплаты должнику, имущественные права должника. Ими могут являться заработная плата должника, пенсия, денежные средства, получаемые должником в счет найма, аренды жилых либо нежилых помещений, денежные средства от реализации интеллектуальной собственности, средств индивидуализации, др. Данная мера является

действенной при условии, что заработная плата является официально получаемой должником, если договор аренды жилых, нежилых помещений легализован, зарегистрировано право на интеллектуальную собственность и средства индивидуализации, в противном случае обращение взыскания на периодические выплаты должнику не представляется возможным.

Изъятие у должника имущества, присужденного взыскателю, — мера принудительного исполнения, которая может быть произведена при условии присутствия вещи, определенной судом или нотариусом, у должника и ее нахождения судебным приставом-исполнителем. Как показывает практика, если на имущество не были наложены обеспечительные меры во время судебного разбирательства, то имущество, подлежащее изъятию, распродается должником, переходит в собственность родственников должника по договорам дарения, купли-продажи, и изъятие у должника имущества, присужденного судом взыскателю, становится невозможным.

Представляется, что самой действенной из мер принудительного исполнения является наложение ареста на имущество должника. Имущество может содержаться в денежных средствах, в том числе находящихся на банковских картах, состоять из жилых либо нежилых помещений, автомобилей, предметов роскоши и др. Однако согласно ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации невозможно обратиться взыскание на некоторое имущество, к примеру, на жилье, если оно является единственным для должника и членов его семьи, предметы обычной домашней обстановки, племенной, молочный, рабочий скот, олени, кроликов, птиц, пчел, др., если они не используются для предпринимательской деятельности. Кроме того, в соответствии со ст. 101 закона об исполнительном производстве существуют виды доходов, на которые не может быть обращено взыскание. К ним относятся суммы, выплачиваемые в возмещение вреда, причиненного здоровью, в связи со смертью кормильца, лицам, получившим увечья при исполнении служебных обязанностей, различные компенсационные выплаты, алименты, средства материнского капитала, социальное пособие на погребение, др. В связи с чем обращение принудительного исполнения на указанное имущество невозможно. Однако нередки случаи, когда приставы-исполнители списывают денежные средства с банковских карт, на которые перечисляются алименты, пособия на содержание несовершеннолетних детей, иные. Указанные денежные средства перечисляются в государственный бюджет, их возвращение требует обращения в суд с заявлением об оспаривании действий судебного пристава-исполнителя и длительного времени возвращения, что, безусловно, нарушает права и законные интересы должника. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ⁸ наложение ареста или

⁷ Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: понятие, правотворческая деятельность, правовые акты. Иркутск, 2009. С. 29.

⁸ О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного

установление соответствующего запрета не должно препятствовать должнику, членам его семьи в пользовании имуществом.

Если сведений о наличии у должника имущества не имеется, в таком случае судебный пристав-исполнитель должен осуществлять и другие действия, не противоречащие закону (но и не указанные в нем). «Закон... не может быть не определенным»⁹.

Если сведений о наличии у должника имущества не имеется, в таком случае судебный пристав-исполнитель должен осуществлять и другие действия, не противоречащие закону (но и не указанные в нем). «Закон... не может быть не определенным»¹⁰.

В том числе в виды доходов, предусмотренных ст. 101 закона об исполнительном производстве, на которые не может быть обращено взыскание, входят компенсационные выплаты: связанные со служебной командировкой либо с переводом, приемом, направлением на работу в другую местность, также в связи с изнашиванием инструмента, принадлежащего работнику, выплачиваемые в связи с рождением ребенка, смертью родных, регистрацией брака, др.

Обращение в регистрирующий орган для регистрации перехода права на имущество с должника на взыскателя — мера принудительного исполнения, используемая при вступлении в законную силу решения, согласно которому недвижимое имущество, автомобиль, иное переходит в собственность выигравшего иск лица. Практика показывает, что данная мера нечасто используется судебными приставами-исполнителями.

В законе об исполнительном производстве указана следующая мера принудительного исполнения: совершение от имени, за счет должника действия, которое прописано в исполнительном документе, если данное действие может быть совершено без личного участия должника.

Принудительное вселение и выселение из жилого помещения, принудительное освобождение нежилого помещения от должника, его имущества также предусмотрены как меры принудительного обеспечения. Вселение в жилое помещение возможно в случае, если лицо являлось бывшим родственником собственника помещения либо находилось в исполнительной

колонии, а собственники в это время продали жилое помещение. Указанная ситуация стала нередкой в Российской Федерации, что создает проблемы для новых собственников в пользовании жилыми помещениями.

Следующей мерой принудительного исполнения является принудительное выдворение иностранных граждан, лиц без гражданства за пределы Российской Федерации. Данные меры предусмотрены ст. 3.10 Кодекса об административных правонарушениях РФ. Административное выдворение за пределы Российской Федерации имеет место в случае назначения судьей административного наказания в отношении иностранных лиц либо лиц без гражданства при совершении ими правонарушений при въезде в Российскую Федерацию.

В том числе законодательством предусмотрено принудительное освобождение земельного участка от присутствия на нем должника, его имущества. Такое право дано судебным приставам-исполнителям в соответствии с подп. 10.2 ч. 3 ст. 68 закона об исполнительном производстве.

Вместе с тем понятия исполнительных действий и мер исполнительного производства схожи по своей правовой структуре. Сравним обе дефиниции, мы приходим к следующему. Во-первых, согласно ст. 64 закона об исполнительном производстве исполнительные действия — это действия, направленные для создания условий для полного и своевременного исполнения требований исполнительного документа. Меры принудительного исполнения (ст. 67 закона об исполнительном производстве) — это действия, указанные в исполнительном документе, совершаемые судебным приставом-исполнителем для завершения исполнительного производства. Исполнительные действия и меры принудительного исполнения — это действия, совершаемые судебным приставом-исполнителем, являющиеся принудительными.

Разнятся они только перечнем возможных действий судебного пристава-исполнителя, и смысл законодателя ясен: исполнительные действия производятся на предварительной стадии принудительного исполнения. Однако арест имущества должника может быть осуществлен судебными приставами-исполнителями и во время исполнительных действий, и во время применения мер принудительного исполнения.

С нашей точки зрения, исполнительные действия и меры принудительного исполнения — это две составляющие, приводящие к одному результату действия, а именно принудительному исполнению требований, которые содержатся в исполнительных документах.

производства : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.

⁹ Смолькова И.В. Участники уголовного производства с неопределенным процессуальным статусом // Вестник БГУ. 2017. Т. 27. № 2. С. 209.

¹⁰ Там же.

Литература

1. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: понятие, правотворческая деятельность, правовые акты / И.А. Минникес. Иркутск : Ин-т законодательства и правовой информации, 2009. Вып. 4. 102 с.
2. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / И.В. Смолькова // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 205–210.

Уголовная ответственность за незаконную археологическую деятельность

Кузнецов Дмитрий Алексеевич,

студент Санкт-Петербургского государственного экономического университета

79818103325@yandex.ru

Археологические артефакты представляют собой предметы, являющиеся частью культурного наследия и достояния народа Российской Федерации, частью истории нашей страны. Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ была введена уголовная ответственность за ведение незаконных археологических работ. Казалось бы, незаконные археологические работы — явление, справиться с которым можно с помощью методов административного воздействия, однако законодатель счел необходимым ужесточить ответственность за данные деяния в связи с участившимися случаями порчи памятников истории, культуры и археологического наследия. В пользу возникновения уголовной ответственности достаточно давно выступали и многие специалисты. Так, в работе «Охрана культурных ценностей. Уголовно-правовой и криминологический аспекты» Т.Р. Сабитов¹ в 2004 г. выдвигал обоснованные предложения о введении уголовной ответственности за повреждение и уничтожение культурных ценностей, которые не имеют собственника или собственник которых не известен. Предлагаем рассмотреть процесс ведения археологических работ, правовое регулирование, а затем проанализировать состав ст. 243.2 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ)².

Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»³ (далее — Основы законодательства о культуре) регулирует отдельные аспекты ведения археологических работ и устанавливает основы правового регулирования. Ведение археологических работ начинается по ст. 45.1 Основ законодательства о культуре с получения открытого листа, то есть документа, устанавливающего право на ведение археологических работ физическим лицом на конкретном участке территории, в конкретные сроки, подтверждающие право ведения одного из видов археологических работ (их несколько: раскопки, наблюдение, спасательные работы, разведка — по

п. 7 ст. 45.7 Основ законодательства о культуре). Данное разрешение выдается Министерством культуры и на основании заключения РАН, при наличии у заявителя необходимого образования и квалификации, дающей возможность ведения археологических работ. Порядок получения открытого листа установлен постановлением правительства⁴. Далее проводятся сами археологические работы, как правило, после разведки на месте производятся раскопки. Порядок и правовое регулирование раскопок, а если быть более точным — процесса ведения раскопок, установлены положением о порядке ведения археологических работ, утвержденное РАН⁵.

В случае обнаружения предметов, являющихся археологическими артефактами, исполнитель работ в десятидневный срок направляет опись предмета в адрес органа субъекта Федерации, ответственного за контроль в сфере археологической деятельности. В случае если лицо, обнаружившее археологический артефакт, является исполнителем иных работ, то в течение 3 рабочих дней с момента обнаружения уведомляется надзорный орган, работы приостанавливаются, а объект изымается для проведения камерального исследования (лабораторного исследования)⁶. По пунктам 4.29–4.31 производятся опись, зарисовка и (или) фотосъемка артефактов, после чего те передаются в музейный фонд⁷.

⁴ Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2014 г. № 127 «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия» // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 910.

⁵ Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации (утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук, постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 27 ноября 2013 г. № 85). URL: https://www.archaeolog.ru/media/2014/polozhenie_opi_v0915.pdf (дата обращения: 29.11.2019).

⁶ Приказ Минкультуры России от 27 ноября 2015 г. № 2877 «О порядке передачи государству археологических предметов, обнаруженных физическими и (или) юридическими лицами в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» работ по использованию лесов и иных работ» // Бюллетень нормативных актов органов исполнительной власти. 2016. № 8.

⁷ Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.

¹ Сабитов Т.Р. Охрана культурных ценностей. Уголовно-правовой и криминологический аспекты. Новосибирск, 2004.

² Уголовный кодекс Российской Федерации : принят 13 июля 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1) (ред. от 05.12.2017) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

По окончании археологических работ составляется отчет о проделанной работе, который направляется в Министерство культуры и по истечении 3 лет сдается в архив. Далее проводится камеральное обстреливание объектов, обнаруженных в ходе работ. Археологическим артефактом являются на основании положения Министерства культуры (по п. 1.4) «археологические предметы — движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых... являются археологические раскопки... в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок». Там же дано определение археологических раскопок: «археологические раскопки — проведение на поверхности земли, в земле или под водой научных исследований объектов археологического наследия посредством земляных и связанных с ними работ, в том числе с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопок в целях изучения и сохранения объектов археологического наследия». К сожалению, примечания к ст. 243.2 не содержат разъяснения понятия объекта археологических изысканий. Считаю необходимым устранить данное упущение и дать следующее определение в примечании к статье: «археологический предмет — объект, залегающий в культурном слое земли, образовавшемся не позднее последних ста лет, могущий быть определенным в качестве объекта культурного наследия, имеющий признаки материальной и культурной ценности, дающей основания полагать лицам, не имеющим специального образования, о историко-культурной ценности объекта». Таким образом, мы можем видеть, что ведение археологических работ весьма сложный и достаточно трудоемкий процесс, обладающий своим правовым регулированием и содержащий свою специфику. Далее рассмотрим состав ст. 243.2 УК РФ.

Прежде всего укажем на общественную опасность деяний, направленных против культурных ценностей и культурного наследия. По свидетельству О.М. Мартышевой,⁸ общественная опасность делится на первичную и вторичную. Первичная представляет собой непосредственный вред, нанесенный объектам культурного наследия, вторичный — формирование неуважительного отношения у общества к объектам культуры и культурного наследия. Автор должен полностью согласиться с данной позицией, подкрепив ее мнением Т.Р. Сабитова⁹, который указывал на тот факт, что основная опасность преступлений против культурного наследия именно в невозможности вреда, причиняемого данным преступлением.

Родовым объектом состава ст. 243.2 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок, видо-вым — общественные отношения в сфере обществен-

ной нравственности (по А.И. Чучаеву¹⁰ «общественная нравственность — господствующая в обществе система взглядов и представлений о справедливости, добре и зле, определяющих нормы поведения человека и его взаимоотношение с другими людьми»). По вопросу непосредственного объекта И.В. Одоева¹¹ указывала, что таковым являются общественные отношения по охране общественной нравственности в сфере объектов культурного наследия. Автор вынужден с этим тезисом не согласиться и считает, что непосредственным объектом охраны являются общественные отношения в сфере защиты культурного наследия (понятие дано в ст. 3 Основ законодательства о культуре) и достоинства народов Российской Федерации. То есть данным составом охраняется не общественная нравственность, а, во-первых, культурное достояние народа России, во-вторых, археологическое и культурное наследие, в-третьих, порядок обращения с артефактами, в-четвертых, исполняется Европейская конвенция по охране памятников истории и культуры¹², в соответствии с которой рассматриваемая статья и была введена в Уголовный кодекс РФ. Более того, на наш взгляд, необходимо ввести в ч. 1 ст. 2 УК РФ указание, что объектом уголовно-правовой охраны является и культурное достояние человечества и народа Российской Федерации. Впрочем, надо заметить, что в связи с введением подобного изменения в ст. 2 УК РФ будет необходимо и принятие отдельной главы в Уголовном кодексе РФ «Преступления, посягающие на объекты культурного наследия», в которую войдут ст. 243–243.3 (гл. 25.1) и, возможно, некоторые другие, а также новые составы. В дополнение к вышесказанному должны согласиться с тезисом Л.Р. Клебанова¹³ о неопределенности и отсутствии единообразия предмета преступления, что может привести, на наш взгляд, к отсутствию как раз и самой главы о преступлениях против культурных ценностей. Кроме того, автор может сослаться на опыт Королевства Испания¹⁴, Уголовный кодекс которого предусматривает отдельную главу о преступлениях, посягающих на культурные ценности (ст. 323 гл. 2 раздела 16 книги 2 предусматривает ответственность за причинение вреда археологическим раскопкам).

Объективная сторона выражается в активных действиях, направленных на получение археологических артефактов, сбор, приискание места для незаконных

⁸ Мартышева О.М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 14.

⁹ Сабитов Т.Р. Указ. соч. С. 13.

¹⁰ Чучаев А.И. Уголовное право Российской Федерации: общая и особенная части : уч. для бакалавров. М., 2017. С. 508.

¹¹ Одоева И.В. Уголовная ответственность за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: некоторые вопросы теории и практики // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 77–79.

¹² Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотрена) : ратифицирована Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 163-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 16. Ст. 1812.

¹³ Клебанов Л.Р. Преступления против культурных ценностей: понятие, признаки, система // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 194–197.

¹⁴ Уголовный кодекс Испании. М. : Зерцало, 1998. С. 105.

работ, подготовку к ним, ведение добычи и получение данных предметов. При этом ч. 1 ст. 243.2 включает указание на уничтожение культурного слоя, которое, на наш взгляд, является излишним, так как данное деяние, приобретая масштаб уголовного преступления, в любом случае приводит к уничтожению культурного слоя и не связано с наличием или отсутствием состава преступления, а лишь является постоянно присутствующим элементом объективной стороны. Автор предполагает, что необходимо сместить акцент в данной статье с повреждения культурного слоя на факт добычи из корыстных побуждений и нарушения порядка ведения археологических работ, обращения с артефактами.

Субъект для данного состава общий — любое лицо, проводящее незаконные археологические раскопки. При этом уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона выражена в виде прямого умысла: лицо, осуществляющее поиск и изъятие археологических артефактов из земли, непосредственно осознает и ставит цель по изъятию и незаконному обороту данных объектов (по ст. 49 Основ законодательства о культуре все археологические артефакты передаются государству). Считаю наличие корыстной цели элементом, являющимся обязательным к установлению для данного состава, так как это непосредственно указывает на наличие субъективной стороны.

Санкция за данное деяние установлена в виде лишения свободы на срок до 4 лет (по ч. 1). Данный размер санкции вызывает вопросы и критику со стороны ряда специалистов¹⁵. Существует тезис¹⁶, указывающий на

обязанность государства, в случае рассмотрения уголовных дел в сфере археологии, обращаться к средствам виндикации и в гражданско-правовом порядке истребовать вещь из незаконного владения. Автор считает, что для данного случая необходимо применение ст. 104.1 УК РФ как средства изъятия предмета преступления: конфискация объектов археологических изысканий и средств совершения преступления должна быть обязательной, а *actio rei vindicatio* применяться только при невозможности доказывать или установить факт принадлежности вещей в рамках уголовного судопроизводства и гражданского иска в порядке ст. 44 УПК РФ.

Также укажем, что применение понятий «культурный слой» и «археологический артефакт» усложняет процедуру квалификации данного состава преступления и приводит к трудностям применения данного состава на практике: возникает вопрос о необходимости дополнительных мер при расследовании такого преступления, о назначении экспертизы и фиксации доказательственной базы таким образом, чтобы сохранить состояние объекта на момент обнаружения следственно-оперативной группой (СОГ) этого объекта и предотвратить его повреждение или изменение состояния до прибытия эксперта на место, с целью решения вопроса о повреждении культурного слоя. Если это действительно необходимо, нет ли возможности изменить конструкцию состава таким образом, чтобы квалификация осуществлялась исходя из умысла и совокупности совершенных действий, а также причиненного или потенциально причиняемого вреда и корыстных побуждений? Вопрос остается открытым. Автор надеется на практическую и теоретическую полезность работы.

¹⁵ Чунихина Т.Н., Сапожникова Е.В. Правовая охрана археологических раскопок // Научные труды КубГТУ. 2017. № 6. С. 495–504.

¹⁶ Ковалев А.А. Применение понятий «археологический предмет» и «культурный слой» в правоохранительной деятельности //

Материалы конференции «Противодействие незаконной деятельности в области археологии» (Москва, ИА РАН, 9–10 декабря 2013 г.). М., 2015. С. 8–32.

Литература

1. Клебанов Л.Р. Преступления против культурных ценностей: понятие, признаки, система / Л.Р. Клебанов // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 194–197.
2. Ковалев А.А. Применение понятий «археологический предмет» и «культурный слой» в правоохранительной деятельности / А.А. Ковалев // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы : материалы конференции (г. Москва, 9–10 декабря 2013 г.). Москва : ИА РАН, 2015. С. 8–32.
3. Мартышева О.М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей : автореферат диссертации кандидата юридических наук / О.М. Мартышева. Омск, 2015. 26 с.
4. Одоева И.В. Уголовная ответственность за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания: некоторые вопросы теории и практики / И.В. Одоева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2016. № 3 (26). С. 77–79.
5. Сабитов Т.Р. Охрана культурных ценностей : уголовно-правовой и криминологический аспекты / Т.Р. Сабитов. Новосибирск : Новосибирский ин-т экономики и менеджмента, 2004. 241 с.
6. Чунихина Т.Н. Правовая охрана археологических раскопок / Т.Н. Чунихина, Е.В. Сапожникова // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2017. № 6. С. 495–504.
7. Чучаев А.И. Уголовное право Российской Федерации : общая и особенная части : учебник для бакалавров / А.И. Чучаев. Москва : Контракт : ИНФРА-М, 2017. 704 с.

Международно-правовые проблемы кибербезопасности

Либет Мария Анатольевна,

студент 4-го курса Юридического факультета

Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова

9995864libet@mail.ru

Информация существовала всегда, но способы ее хранения и передачи изменялись и совершенствовались с течением времени. Именно по этой причине к развитию кибербезопасности сейчас приковано всеобщее внимание. Понятие «кибербезопасность» представляется сложным для анализа, поскольку пока не существует единого понимания термина «сеть Интернет», то есть киберпространства, которое необходимо охранять и защищать. *Так как современное название сети Интернет, синонимом которого является «киберпространство», появилось относительно недавно (в 1983 г.), можно себе представить скорость развития способов хранения, распространения, обмена информацией в электронном виде.* Согласно статистике кибербезопасности:

- более 400 тыс. компьютеров в 150 странах были поражены вирусом WannaCry в 2017 году. Вирус нанес ущерб в 4 млрд долл.;
- около 24 тыс. вредоносных мобильных приложений блокируются каждый день, и количество атак растет;
- расходы на кибербезопасность увеличиваются на 10–20% каждый год (на 26% в 2017 г.);
- по прогнозам, к 2021 г. ущерб от киберпреступности достигнет 6 трлн долл.;
- около 70% компаний полагают, что не смогут защитить свои данные современными антивирусными программами.

Понятие «кибербезопасность» не дано в специальном законодательстве — Международной конвенции по киберпреступлениям (Будапешт, 23 ноября 2001 г.), но этот правовой пробел заполняет Международная организация по стандартизации в 'ISO/IEK 27032 2012'. В последнем документе кибербезопасность определяется как «условия защищенности от физических, духовных, финансовых, политических, эмоциональных, профессиональных, психологических, образовательных или других типов воздействий или последствий аварии, повреждения, ошибки, несчастного случая, вреда или любого другого события в киберпространстве, которые могли бы считаться нежелатель-

ными»¹. К концу 90-х гг. XX в. Интернет был практически у всех стран мира и число его пользователей достигло 76 млн человек. Стали появляться киберпреступники, которые, находя лазейки в Сети, используют их в свою пользу, нарушая тем самым законы в сфере кибербезопасности. Такие законы, без всяких сомнений, требуют постоянного реформирования и совершенствования.

Следует выделить некоторые, пока не разрешенные, проблемы в области защиты информации. Первая проблема в области кибербезопасности — кибервойна. Здесь прослеживается слияние двух понятий «кибер» (понятие, используемое в виртуальной плоскости) и «война» (вооруженный конфликт, итогом которого становится экономический крах страны, а также многочисленные человеческие потери). Оружием в кибервойне выступает информация — чем больше информации, тем быстрее будет получена победа. Все действия, составляющие этапы кибервойны (шпионаж и атаки), направлены на разрушение экономических и государственных центральных систем и учреждений страны-цели. При нападении лишь на малое количество (1–2) важных объектов киберпреступникам удается вывести из строя немалую часть предприятий, персональных компьютеров и других жизнеобеспечивающих систем. Так, например, в 2009 г. произошла атака на ГЭС в Бразилии, которая привела к отключению света в домах у более 60 млн жителей. Помимо нанесения существенного ущерба жизни страны в целом и ее гражданам, кибервойна имеет ряд особенностей, которые часто вызывают сложности при раскрытии киберпреступлений и отслеживании киберследа хакера. Среди черт ведения войны в киберпространстве можно выделить следующие:

¹ Информационные технологии. Методы обеспечения безопасности : Руководящие указания по обеспечению кибербезопасности. ISO/IEK 27032 2012. Опубликовано на информационном портале Международной организации по стандартизации: <https://www.iso.org/ru/home.html>

- международный характер, при котором преступник и объект посягательства находятся в разных странах;

- особая специализация — для совершения преступлений хакеры проходят обучение, работая за компьютером многие месяцы и даже годы;

- преступления могут совершаться «по таймеру», то есть во время отсутствия человека около компьютера;

- стремительное развитие способов совершения преступлений не дает возможности органам по борьбе с киберпреступниками разработать новые методики антиатак.

Активная борьба с кибертерроризмом ведется во всех странах мира. Для того чтобы не допустить кибервойны, во многих странах создаются подразделения по борьбе с виртуальной преступностью. В Великобритании в 2012 г. спецподразделение МИ-6 провело хакерскую атаку на террористическую группировку «Аль-Каида» и в их Сети заменило элементы в самодельной бомбе на муку, соль, сахар и яйца — то есть на составляющие рецепта популярных кексов. В январе 2015 г. правительства Великобритании и США заключили соглашение о сотрудничестве в сфере кибербезопасности и успешно провели учебные атаки друг против друга в том же году. Немного раньше о кибербезопасности позаботилась Германия, которая создала Национальный центр кибербезопасности (Nationales Cyber-Abwehrzentrum, NCAZ), работающий с 2013 г. Глава БНД (Федеральная разведывательная служба) Германии Герхард Шиндлер заявил, что ежедневно его ведомство регистрирует около пяти попыток взлома государственных сайтов. Но больше всего сообщений о китайских агентствах и ведомствах по борьбе с киберпреступностью, так как, по статистике, именно в Китае больше всего пользователей Интернета (772 млн пользователей), а также немаловажен доказанный факт того, что у этой страны есть технический потенциал, для того чтобы начать «холодную кибервойну». В Китае действует спецподразделение НОАК (Народно-освободительная армия Китая), которое занимается проведением кибератак на компьютерные сети противника. Помимо этого, в структуре НОАК существует еще несколько крупных (более 80 тыс. сотрудников) групп хакеров (например, Альянс красных хакеров). США неоднократно указывали на Китай как на своего главного киберврага. В ноябре 2011 года Джеймс Клеппер (бывший глава Управления национальной контрразведки), выступая с докладом в конгрессе США, утверждал, что хакеры из КНР одни из наиболее активных, часто пытаются взломать защищенные серверы и сфокусированы на добыче экономической и оборонной информации. Но из-за руткитов (программы, обеспечивающие тайный сбор информации) американское правительство знает только о нескольких фактах вторжения Китая в компьютерные системы США. Пекин отвергает любые обвинения в

ведении кибервойны и обвиняет Вашингтон, который в свою очередь также продолжает утверждать о своей непричастности. На наш взгляд, такая накаленная ситуация в международной политике может привести к атакам, которые выйдут за рамки сети Интернет. Специалист в области кибербезопасности Амитаи Этциони предлагает создать взаимосдерживающие технологии, которые не позволят проникать в те документы, которые будут выбраны для хранения в секретной и недоступной базе данных каждой страны, при этом разрешается принимать меры самозащиты в киберпространстве, что должно контролироваться специальными наднациональными органами.

Вторая проблема в сфере кибербезопасности является наиболее трудноразрешимой в международном плане, так как каждое законодательство устанавливает свой возраст уголовной ответственности. Сейчас распространение Интернета повлияло на подростков и снизило возраст хакеров. Достаточно вспомнить несколько громких кибератак, совершенных лицами до 21 года. Джинсона Джеймса Анчета ФБР арестовало в 2005 г., юный хакер собирался запустить вирус в Центр боевого применения Морской авиации США (Чайна-Лейк, штат Калифорния) и Агентство защиты информационных систем Министерства обороны США. Анчета нарушил 17 федеральных законов и был приговорен к 60 месяцам тюрьмы. Аарону Кэффри из Великобритании почти удалось уничтожить один из крупнейших портов Америки, который находится в Техасе. Портвые компьютеры были поражены DoS-атакой, иначе известной как «отказ в обслуживании», что привело к неполадкам систем на кораблях, нуждающихся в ориентации в море, и могло закончиться катастрофой. Присяжные признали подростка невиновным. Две разные истории, два итога, но нам представляется правомерным поменять решения в этих историях, так как Анчета совершил только покушение на киберпреступление, а «техасский хакер» довел преступление до конца и по счастливой случайности последствия оказались минимальными. Такая коллизия возникает не только в связи с тем, что нет единого мнения о терминах, используемых в информационных войнах и атаках, но и с тем, что современное законодательство не успевает за развитием технологий кибератак. Автору представляется целесообразным и необходимым выработать международные нормы, определяющие возраст, при котором возникает ответственность за киберпреступления, а также указывающие на виды преступлений, за которые будут нести ответственность юные хакеры (будут ли это преступления с применением закрытого перечня вирусов или это будут любые попытки нарушить компьютерные системы других стран и правительств?).

Для борьбы с таким явлением, как кибертерроризм, следует объединить силы всех стран и попытаться создать четкое, понятное всему миру законодательство. Информатизация современного общества

привела к глобализации и взаимному проникновению всех сфер жизни. В настоящее время общество проходит третий этап экономического развития: постиндустриальный. Основой этого уровня развития является информация, способы ее обмена, хранения и распространения.

Теория информационного общества отражена во многих международных актах:

- Декларации Комитета министров Совета Европы «О европейской политике в области новых информационных технологий» от 7 мая 1999 г.

- Декларации принципов Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» от 12 декабря 2003 г.

- Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой главами государств и правительств «Группы восьми» от 22 июля 2000 г.

Но ни в одном из международных документов, к сожалению, не приведено понятие такого важного термина, как «информационное общество», а даны лишь его основные признаки. Безусловно, главным инструментом в современном мире является обмен информацией, для этого заключаются международные договоры. Договоры можно разделить на два вида: содержащие общие положения об обмене информацией и регулирующие обмен в зависимости от типа информации. Ключевым принципом всех международных договоров (кроме Африканской хартии прав человека и народов, принятой Организацией африканского единства 26 июня 1981 г.) является наличие положения о свободе информации. Свобода включает в себя права: искать, собирать, хранить и передавать информацию любым законным способом и независимо от государственных границ. Ограничения в свободе допускаются по общему правилу и в общей формулировке, то есть «в интересах государства», либо по перечню, указанному в ст. 10 Европейской конвенции, например, в целях обеспечения беспристрастности правосудия, предотвращения преступлений и защиты государственной целостности и в интересах национальной безопасности. Помимо договоров, содержащих ограничения, существуют договоры, согласно которым информация должна быть свободно обращаемой. Сфера образования представляет собой сферу, информация в которой находится в свободном доступе (Соглашение об обмене информацией в сфере образования СНГ от 31 мая 2001 г.). Помимо предоставления научной информации безвозмездно, участники вправе установить тарифы на оплату обмена этой информацией. Некоторые договоры предусматривают обмен правовой информацией, то есть делятся законодательным опытом (например, Соглашение между Российской Федерацией и Аргентиной о сотрудничестве и правовой помощи от 20 ноября 2000 г.). Обмен

военной информацией представляет собой деление на 2 вида: обмен секретной и общедоступной информацией. Договоры об обмене секретной информацией обладают специальным режимом секретности. Каждая страна старается защитить свои информационные ресурсы в военной сфере. Перед такой глобальной угрозой, как кибертерроризм, многие страны объединяются и заключают соглашения о передаче друг другу информации о новинках в области военных технологий. В рамках НАТО установлен специальный режим обмена технической информацией, используемой в военных целях (Соглашение о передаче технической информации в целях обороны от 19 октября 1970 г.). Важно, что соглашения о секретной информации принимаются только в форме двусторонних договоров, а также для таких соглашений характерно регулирование понятия «секретная информация», которое каждое государство устанавливает в своих интересах. Грифы секретности одного государства, как правило, соответствуют грифам секретности в государстве — участнике двустороннего соглашения.

Нередко режим секретности нарушается, и за этим следуют неконтролируемые и негативные последствия для государств. В июне 2013 г. Эдвард Джозеф Сноуден отрыв миру правду, которая повергла все страны в шок. Бывший агент ЦРУ раскрыл информацию, согласно которой США долгие годы вторгались в частное пространство граждан и организаций. Это разглашение секретной информации, безусловно, стало резонансным в обществе и вызвало жаркие споры на тему: имеет ли приоритет кибербезопасность страны перед правом на частную жизнь, тайну переписки? Одним своим заявлением и интервью Сноуден нарушил баланс мировой политики: уже через месяц после разоблачения Германия расторгла соглашения с США и Великобританией; Испания и Бразилия потребовали немедленных объяснений и дачи гарантии того, что их данные полностью защищены от вторжения американских вирусов. В настоящее время бывший агент получил вид на жительство в Российской Федерации. Такой скандал навсегда останется в истории и будет напоминать, насколько важно правовое регулирование кибербезопасности и создание законов, позволяющих действовать моментально и спасти тысячи жизней и гигабайты информации, предотвратив международные инциденты.

Несмотря на то что законодательное отражение кибербезопасности развивается достаточно быстро, обществу необходимо всегда поддерживать актуальность данной темы и следить за современными тенденциями в данной области. В сфере кибербезопасности большую роль играют технологии, а особенно самые современные изобретения и исследования. Технологии — неотъемлемая часть будущего, и, безусловно, идет процесс информатизации общества. К сожалению, практика показывает, что правовое регулирование не успевает за развитием и внедрением новых технологий в повседневную жизнь.

Некоторые проблемы использования примирительных процедур при разрешении налоговых споров и возможные пути их разрешения

Мугдусян Артур Ваганович,

магистр 1-го курса юридического факультета

Воронежского государственного университета по направлению

«Налоговое и финансовое право»

mugdusyan1995@mail.ru

На сегодняшний день в теории налогового права вопрос о примирительных процедурах при разрешении налоговых споров является весьма актуальным. Так, в соответствии с приказом Федеральной налоговой службы РФ (далее — ФНС РФ, ФНС) основным направлением развития института досудебного урегулирования налоговых споров является стимулирование примирительных процедур¹.

Одним из основных видов примирительных процедур является медиация. Закон о медиации был принят в 2010 году². В Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» медиация определяется как альтернативная процедура урегулирования споров при содействии медиатора. Она применяется в рамках гражданских, трудовых, семейных либо иных арбитражно-процессуальных отношений. Распространение положений закона о медиации на сферу налогообложения возможно только путем закрепления такого положения в отраслевом законодательстве, то есть в Налоговом кодексе РФ (далее — НК РФ). Однако на сегодняшний день такая норма не существует. Тем самым можно сказать, что с правовой точки зрения отсутствует возможность применения института медиации для разрешения налоговых споров.

В юридической литературе существуют противоположные точки зрения на проблему применения медиации по административным делам. Одни считают, что использование примирительных процедур невозможно в силу специфики административных отношений сторон. Отмечается, что изменение для

конкретного лица порядка исполнения публичных обязательств может породить неравенство для обязанных лиц³. Другие же поддерживают их применение в административной юрисдикции. Так, авторы отмечают, что возможность заключения мирового соглашения существует в публично-правовых отраслях законодательства, таких как налоговое, административное, таможенное право, так как в них присутствует диспозитивное регулирование, позволяющее самостоятельно устанавливать содержание прав и обязанностей сторон⁴. Значимость введения медиации при разрешении налоговых споров подчеркнул также глава ФНС РФ Михаил Мишустин. На V Международной конференции «Медиация — инвестиция в будущее» он выразил готовность проведения эксперимента по введению медиации при рассмотрении налоговых споров на примере крупнейших налогоплательщиков⁵. Однако, несмотря на это, на сегодняшний день в НК РФ так и не закреплена возможность применения медиации в налоговых спорах.

Необходимо обратить внимание на то, что процедура медиации в налоговых спорах получила широкое распространение в зарубежных странах. В США существует Единый закон о медиации. Так, в США

¹ См.: Приказ ФНС России от 13 февраля 2013 г. № ММВ-7-9/78@ «Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 гг.» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

³ См.: Бельская И.А. Перспективы применения примирительных процедур в хозяйственном процессе по делам из административно-публичных отношений // Актуальные проблемы использования примирительных процедур как формы разрешения споров в национальном и международном праве. Минск : БГЭУ, 2010. С. 87–91.

⁴ См.: Русинова Е.Р., Цыганова Е.М. Проблемы заключения мирового соглашения при рассмотрении публично-правового спора в арбитражных судах // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 1. С. 35.

⁵ Мишустин М.В. Развитие досудебного урегулирования налоговых споров и возможности внедрения медиации. URL: http://taxpravo.ru/novosti/statya-153667-razvitie_dosudebnogo (дата обращения: 01.11.2019).

государство привлекает медиатора для разрешения гражданско-правовых споров, касающихся размера налоговой задолженности перед правительством. Во Франции существует институт правозащитника, который на бесплатной основе имеет право принимать участие при решении налогового дела. Правозащитник имеет право давать оценки по поступившей жалобе, а также делать предложения компетентному органу по вариантам разрешения возникающего налогового спора. Компетентный орган либо соглашается с его доводами, либо нет. Органическим законом о медиации устанавливаются две возможные сферы деятельности правозащитника при разрешении налогового спора: неисполнение или ненадлежащее исполнение налоговым органом своих функций и установление явно несправедливой налоговой ситуации⁶. В 2005 году в Нидерландах была введена налоговая медиация, которая получила в дальнейшем широкое распространение. Эксперимент по разрешению налоговых споров при помощи медиаторов, проведенный Министерством финансов, показал, что за год через процедуру медиации прошло 75 споров, в 80% случаев результатом стало их успешное разрешение⁷. Услуга медиации может быть предложена налоговым органом и является бесплатной. В случае неудачного разрешения разногласий в ходе медиации стороны не лишаются права обращения в суд. Исходя из вышесказанного, по нашему мнению, следует более тщательно разобраться с опытом зарубежных стран в данной сфере и внедрить наиболее удачные решения в законодательство нашей страны.

Вместе с тем в НК РФ закреплена процедура судебного урегулирования споров. Однако в рамках данного института разрешение возникающих споров осуществляется налоговыми органами, представляющими интересы государства, а не профессиональными посредниками, которые не имеют заинтересованности в итогах указанной процедуры. Следовательно, нарушается основной принцип медиации — равенство сторон и их самостоятельность⁸.

Необходимо обратить внимание на то, что в 2014 г. была введена особая форма налогового контроля — налоговый мониторинг. Основная цель нового института заключается в создании партнерских отношений и расширении взаимодействия между налоговым органом и налогоплательщиком, устранении нарушений до проведения налоговой проверки, повышении уровня добросовестности налогоплательщиков и повышении предсказуемости

налогового регулирования налогоплательщиков. Налоговый мониторинг проводится в отношении ограниченного круга субъектов. Инициатором его является налогоплательщик. Основным инструментом сотрудничества налоговых органов и представителей отечественных компаний является мотивированное мнение налогового органа по вопросам достоверности исчисления и уплаты налоговых платежей.

На практике может возникнуть ситуация, при которой налогоплательщик не согласен с представленным мотивированным мнением, в этом случае для предотвращения налогового спора применяется взаимосогласительная процедура. Взаимосогласительная процедура проводится руководителем ФНС в течение одного месяца со дня получения материалов, представленных налоговым органом, и разногласий, представленных организацией. По ее результатам ФНС либо изменяет мотивированное мнение и вручает организации уведомление о его изменении, либо оставляет мотивированное мнение без изменения. В случае недостижения согласия налогоплательщик имеет право обратиться в суд.

Однако ставить знак равенства между медиацией и взаимосогласительной процедурой в рамках налогового мониторинга не представляется возможным. Взаимосогласительная процедура проводится руководителем ФНС или его заместителем и только в рамках налогового мониторинга, являющегося формой налогового контроля, а медиация проводится третьим лицом, не заинтересованным в исходе дела. Можно считать, что данный институт представляет собой превентивную меру в системе становления налоговой дисциплины и воспитывает в налогоплательщике правовую культуру⁹.

Согласительные процедуры предусмотрены и в рамках арбитражного процесса. Если до 2002 г. применение мировых соглашений в налоговых спорах не допускалось, то в связи с принятием Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) ситуация изменилась. На сегодняшний день допускается примирение сторон в экономических спорах, возникающих из публичных правоотношений, путем заключения мирового соглашения или с использованием других процедур¹⁰.

Первый судебный акт, которым было утверждено мировое соглашение с налоговыми органами, был принят в 2006 г.¹¹. Однако данное мировое соглашение носило односторонний характер, поскольку предусматривало исключительно отказ налогоплательщика от ранее заявленных требований. Наконец,

⁶ Шередеко Е.В. Медиация в налоговом споре: опыт зарубежных стран // Финансовое право. 2012. № 8. С. 39–40.

⁷ Вахитов Р.Р. Процессуальное разрешение налоговых споров в Нидерландах // Налоговед. 2005. № 10.

⁸ См.: Лайченкова Н.Н. Медиация в налоговом праве: вопросы правильности и эффективности использования терминологии // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 242.

⁹ Там же. С. 245.

¹⁰ См.: Арбитражный процессуальный кодекс : Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

¹¹ См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 26 октября 2006 г. по делу № А55-5887/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

в 2012 г. случился прецедент — было принято мировое соглашение по делу о бонусной программе «Малина»¹², которое носило уже двусторонний характер. В соответствии с ней налогоплательщик признал правомерным доначисление налога на прибыль, а налоговая инспекция обязалась не начислять пени по этому налогу. Необходимо отметить, что в соответствии с постановлением Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе»¹³ заключение мировых соглашений по экономическим спорам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, не противоречит закону и не нарушает права и законные интересы других лиц. Однако налоговые споры имеют публично-правовую природу, соответственно, предметом соглашения не может являться изменение налоговых последствий спорных действий и операций в сравнении с тем, как такие последствия определены законом. Так, на основании мирового соглашения нельзя снизить применимую налоговую ставку, изменить правила исчисления пеней либо предусмотреть освобождение налогоплательщика от уплаты налогов за определенные налоговые периоды или по определенным операциям. Однако мировым соглашением возможно предусмотреть признание сторонами обстоятельств, от которых зависит возникновение соответствующих налоговых последствий, а также отсрочку (рассрочку) уплаты соответствующих сумм налогов, пеней и штрафов.

Следует отметить, что если в более ранних судебных решениях предметом мирового соглашения был вопрос о доначислении налога на прибыль, то в соответствии с постановлением Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» судебная практика, как было уже отмечено, изменилась. На сегодняшний день мировым соглашением нельзя предусмотреть изменения правил исчисления пеней.

Необходимо ответить, что, используя примирительные процедуры, государственные органы не вправе выходить за пределы предусмотренных законом полномочий¹⁴, а в ст. 31 НК РФ не закреплено право налогового органа на заключение мирового соглашения в споре с налогоплательщиками. Таким образом, возникает ситуация, когда из анализа данных норм не удается дать однозначный ответ на вопрос,

выходят ли налоговые органы за пределы предоставленных им полномочий при заключении мирового соглашения. Для преодоления данной неопределенности следует включить право налогового органа на заключение мировых соглашений в ст. 31 НК РФ. Таким образом, можно сделать вывод, что, с одной стороны, в соответствии с АПК РФ не запрещается заключение мировых соглашений с налоговым органом, а с другой стороны, существуют определенные ограничения для этого, предусмотренные законодательством и судебной практикой.

По нашему мнению, необходимо развивать примирительные процедуры при разрешении налоговых споров. Для этого необходимо использовать опыт зарубежных стран, а также учитывать все то, что было уже внедрено в российское законодательство, в частности, обязательное досудебное урегулирование налоговых споров, возможность заключения мировых соглашений в арбитражных судах, применение особой формы налогового контроля — налогового мониторинга.

Основная цель для внедрения альтернативных способов разрешения споров — снижение нагрузки на судебную систему и конфликтности в обществе. К преимуществам примирительных процедур также относятся: добровольность, конфиденциальность процедуры, быстрый и доступный способ урегулирования разногласий, возможность сохранения деловой репутации налогоплательщиком при разрешении спора. Отмечается, что использование сторонами досудебных процедур урегулирования споров позволит сэкономить государству средства, которые могут пойти на развитие наиболее важных социальных государственных программ¹⁵. Стоит отметить, что на уровне вышестоящих налоговых органов стала вырабатываться единая правоприменительная практика, все решения ФНС теперь публикуются на официальном сайте, в связи с чем повысилась открытость, публичность позиций налоговых органов. В этом и была основная функция данной системы¹⁶.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в Российской Федерации применения процедуры медиации в налоговых спорах не предусмотрено. До настоящего времени нет необходимой законодательной базы для этого, также отсутствует ясность относительно правового статуса медиатора. Так, в юридической литературе высказываются мнения о предъявлении более высоких требований к медиаторам, рассматривающим налоговые споры, так как в таких спорах

¹² См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 26 июня 2012 г. № 16370/11 по делу № А40-111792/10-127-534 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 10.

¹³ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

¹⁴ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда. 2003. № 2.

¹⁵ См.: Абакумова О.А. К возможности применения института медиации в налоговых спорах // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4 (36). С. 200.

¹⁶ См.: Араkelов С.А. Развитие и совершенствование внесудебных процедур урегулирования споров в налоговой сфере. URL: http://moslegforum.ru/netcat_files/userfiles/1/plenum/Doklad_6_aprelya_MGYuA_Arakov.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

затрагивается публичный интерес¹⁷. Также следует согласиться, что необходимо отграничить медиацию от досудебного урегулирования спора и налогового мониторинга, предусмотренных положениями

НК РФ¹⁸. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо задуматься над поправками в НК РФ и в закон о медиации, которые позволили бы использовать процедуру медиации в налоговых спорах.

¹⁷ См.: Цветкова Е.А. Сравнительно-правовой анализ альтернативных способов разрешения налоговых споров на примере России, США, Нидерландов, Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 64.

¹⁸ См.: Арзуманова Л.Л. Альтернативный способ урегулирования налогового спора // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 8. С. 75.

Литература

1. Абакумова О.А. К возможности применения института медиации в налоговых спорах / О.А. Абакумова // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4 (36). С. 198–203.
2. Аракелов С.А. Развитие и совершенствование внесудебных процедур урегулирования споров в налоговой сфере / С.А. Аракелов. URL: http://moslegforum.ru/netcat_files/userfiles/1/plenum/Doklad_6_aprelya_MGYuA_Arakelov.pdf (дата обращения: 01.11.2019).
3. Арзуманова Л.Л. Альтернативный способ урегулирования налогового спора / Л.Л. Арзуманова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 8. С. 66–75.
4. Бельская И.А. Перспективы применения примирительных процедур в хозяйственном процессе по делам из административно-публичных отношений / И.А. Бельская // Актуальные проблемы использования примирительных процедур как формы разрешения споров в национальном и международном праве : материалы Международной научно-практической конференции (г. Минск, 23 апреля 2010 г.) / редколлегия : Г.А. Короленок [и др.]. Минск : БГЭУ, 2010. С. 87–91.
5. Вахитов Р.Р. Процессуальное разрешение налоговых споров в Нидерландах / Р.Р. Вахитов // Налоговед. 2005. № 10 // СПС ГАРАНТ.
6. Лайченкова Н.Н. Медиация в налоговом праве: вопросы правильности и эффективности использования терминологии / Н.Н. Лайченкова // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 241–246.
7. Мишустин М.В. Развитие досудебного урегулирования налоговых споров и возможности внедрения медиации / М.В. Мишустин. URL: http://taxpravo.ru/novosti/statya-153667-razvitie_dosudebnogo (дата обращения: 01.11.2019).
8. Рушинова Е.Р. Проблемы заключения мирового соглашения при рассмотрении публично-правового спора в арбитражных судах / Е.Р. Рушинова, Е.М. Цыганова // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 1. С. 34–38.
9. Цветкова Е.А. Сравнительно-правовой анализ альтернативных способов разрешения налоговых споров на примере России, США, Нидерландов, Германии / Е.А. Цветкова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 58–64.
10. Шередеко Е.В. Медиация в налоговом споре: опыт зарубежных стран / Е.В. Шередеко // Финансовое право. 2012. № 8. С. 39–40.

Уважаемые коллеги!

Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова» совместно с Издательской группой «Юрист» и Российским профессорским собранием приглашает вас принять участие в Международной научно-практической конференции **«Цифровизация в эпоху развития современного общества»**, которая состоится **9 апреля 2020 года** в Центральном Доме Ученых РАН по адресу: г. Москва, улица Пречистенка, д. 1.

В РАМКАХ КОНФЕРЕНЦИИ БУДУТ РАБОТАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ СЕКЦИИ:

- «Актуальные проблемы правоприменения на современном цифровом этапе развития общества»;
- «Инновационные подходы к управлению в эпоху цифровой экономики»;
- «Языки в эпоху глобализации и проблема сохранения национального достояния»;
- «Журналистика в современной цифровой среде»;
- «Психолого-педагогические аспекты цифровизации общества».

Форма участия в конференции — очная.

Желающим выступить с научным докладом необходимо сообщить тему и прислать аннотацию **до 25 марта 2020 года** по адресу электронной почты: impe.griboedova@mail.ru

Актуальные вопросы правового режима принудительной реорганизации юридических лиц по российскому законодательству

Поляница Карина Эллиевна,
магистрант по специальности «юриспруденция»
Московского финансово-промышленного университета «Синергия»,
бакалавр юриспруденции
polanicakarina@gmail.com

Помимо добровольной реорганизации возможно проведение и принудительной реорганизации юридических лиц. Данный институт зачастую применяется в антимонопольном праве, в частности в отношении юридических лиц, осуществляющих деятельность в сфере рынка электроэнергетики. И несмотря на то что практика применения принудительной реорганизации не является частым явлением, поскольку государственному органу, являющемуся инициатором такой реорганизации, следует доказать реальность ограничения конкуренции как с юридической, так и с фактической точек зрения, факты принудительной реорганизации имеют место. Так, например, Арбитражным судом Новгородской области было принято решение об отказе в удовлетворении заявления о признании решения о принудительной реорганизации истца, вынесенного Управлением Федеральной антимонопольной службы, незаконным, принудительная реорганизация к юридическому лицу была применена¹.

Немногочисленная практика применения принудительной реорганизации выявила ряд существенных проблем. Во-первых, отсутствует четкое понимание юридической и экономической природы принудительной реорганизации, ее назначения, сущности принуждения при ее проведении, а также возможности применения в различных сферах предпринимательской деятельности. Во-вторых, несовершенно законодательство в части возможности использования принудительной реорганизации как средства для достижения определенного экономического результата².

И в связи с тем что данный институт, который в том числе можно рассматривать как достаточно жесткую

санкцию, применяемую к юридическому лицу, практически применяется, считаем необходимым более подробно рассмотреть его теоритическую основу.

Пунктом 2 ст. 57 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что в случаях, установленных законом, реорганизация юридического лица в форме его разделения или выделения из его состава одного или нескольких юридических лиц осуществляется по решению уполномоченных государственных органов или по решению суда. Исходя из указанной нормы закона следует, что принудительная реорганизация в соответствии с Гражданским кодексом РФ может быть произведена в форме разделения или выделения. Содержание рассматриваемой нормы более подробно раскрывается в абз. 2, который установил, что если учредители (участники) юридического лица, уполномоченный ими орган или орган юридического лица, уполномоченный на реорганизацию его учредительным документом, не осуществляют реорганизацию юридического лица в срок, определенный в решении уполномоченного государственного органа, суд по иску указанного государственного органа назначает в установленном законом порядке арбитражного управляющего юридическим лицом и поручает ему осуществить реорганизацию юридического лица. Исходя из абз. 2 рассматриваемой нормы закона следует, что при осуществлении принудительной реорганизации возможно как самостоятельное исполнение решения уполномоченного государственного органа уполномоченными лицами юридического лица, в отношении которого вынесено соответствующее решение, так и принудительное исполнение решения уполномоченных государственных органов арбитражным управляющим на основании решения суда³.

¹ Решение Арбитражного суда Новгородской области от 19 мая 2008 г. № А44-300/2008. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/12200956/7503426/>

² Рихтерман В.Я. Правовое регулирование принудительной реорганизации акционерных обществ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 4.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

Законодательное установление оснований к проведению принудительной реорганизации находит свое отражение в федеральных законах «О защите конкуренции», «О несостоятельности (банкротстве)», «О жилищных накопительных кооперативах», «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», «Об электроэнергетике» в действующих редакциях.

Статья 38 Федерального закона «О защите конкуренции» установила основание принудительной реорганизации, в соответствии с которым в случае систематического осуществления монополистической деятельности занимающей доминирующее положение коммерческой организацией, а также некоммерческой организацией, осуществляющей деятельность, приносящую ей доход, суд по иску антимонопольного органа, а в отношении финансовой организации, поднадзорной Центральному банку Российской Федерации, по иску антимонопольного органа по согласованию с Центральным банком Российской Федерации вправе принять решение о принудительном разделении таких организаций либо решение о выделении из их состава одной или нескольких организаций. Указанная норма законодательно закрепила субъектов, которые могут быть принудительно реорганизованы на основании рассматриваемой статьи, так, такими организациями могут выступать: 1) организации, занимающие доминирующее положение; 2) некоммерческие организации; 3) финансовые организации, поднадзорные Центральному банку Российской Федерации⁴.

В рамках Федерального закона «О защите конкуренции» установлена цель проводимой принудительной реорганизации, в соответствии с которой решение суда о принудительном разделении коммерческой организации или выделении из состава коммерческой организации одной или нескольких коммерческих организаций принимается в целях развития конкуренции. При этом законодатель указывает, что указанная цель может быть достигнута при выполнении в совокупности условий, в том числе: 1) наличия возможности обособления структурных подразделений коммерческой организации. Исполнение указанного требования не всегда возможно достигнуть, поскольку крупные предприятия, занимающие доминирующее положение на рынке, как правило, организованы как единые комплексы, а структурные подразделения тесно организационно и технологически взаимосвязаны между собой и расположены в одном месте и по этой причине их невозможно организационно и территориально обособить; 2) отсутствия технологически обусловленной взаимосвязи структурных подразделений коммерческой организации. В том числе рассматриваемым условием установлен максимальный порог в размере 30% потребления производимой продукции, выполняемых работ структурными

подразделениями друг у друга. Относительно данного условия ряд авторов, например таких, как Н.В. Васильев, Ю.Ю. Горячева, Н.Г. Доронина и др., отмечают, что структурные подразделения коммерческой организации тесно технологически взаимосвязаны, если производство продукции осуществляется по цепочке, то есть каждое подразделение коммерческой организации использует значительную долю продукции, произведенную другими ее подразделениями. В самом условии законодатель установил, что подразделения коммерческой организации тесно технологически взаимосвязаны, если объем потребляемой юридическим лицом продукции ее структурного подразделения превышает максимальный порог в 30% от общего объема производимого этим структурным подразделением продукции. То есть предполагается, что если структурное подразделение значительную часть, составляющую семьдесят и более процентов продукции, реализует вне предприятия, то в случае принятия решения уполномоченным органом на базе данных подразделений юридических лиц данные юридические лица смогут самостоятельно работать на рынке; 3) наличия возможности самостоятельной деятельности на соответствующем товарном рынке для юридических лиц, созданных в результате реорганизации. Рассматривая настоящее условие, нельзя не согласиться с авторами, считающими, что данное условие во многом обусловлено наличием первых двух законодательно установленных условий, поскольку если структурные подразделения невозможно организационно и территориально обособить и они тесно технологически взаимосвязаны, то вновь образуемые юридические лица не смогут самостоятельно работать на рынке определенного товара⁵.

Федеральный закон «О защите конкуренции» в том числе содержит еще одно существенное условие, содержащее отличие принудительной реорганизации от добровольной, заключающееся в императивно установленном требовании, согласно которому созданные в результате принудительного разделения организации не могут входить в одну группу лиц, при добровольной же реорганизации зачастую вновь созданные юридические лица остаются взаимосвязанными через учредителей (участников). Так, законодатель посредством императивно установленного запрета преследует цель исключения взаимосвязи между принудительно реорганизуемым юридическим лицом и выделенными посредством принудительной реорганизации юридическими лицами, а точнее, цель исключения возможности оказывать друг на друга влияние. При добровольной же реорганизации цели могут быть разными: как отмечал А.А. Карлин относительно анализа реорганизации акционерных обществ, последствия проведения реорганизации акционерных обществ производят

⁴ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «О защите конкуренции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/

⁵ Конкурентное право Российской Федерации : учебное пособие для вузов / Н.В. Васильев, Ю.Ю. Горячева, Н.Г. Доронина [и др.] / под ред. Н.И. Клейн, Н.Е. Фонаревой. М. : Логос, 1999. С. 224–225.

экономический эффект, который включает в себя в зависимости от формы реорганизации: 1) повышение эффективности управления компанией; 2) приобретение новых активов/объединение активов компаний; 3) предотвращение враждебного поглощения; 4) повышение инвестиционной привлекательности компании; 5) обособление части активов предприятия для создания на его базе нового хозяйствующего субъекта; 6) разрешение конфликта акционеров; 7) преодоление конфликта между обособленными подразделениями и органами управления общества⁶.

Следующим нормативно-правовым актом, устанавливающим основания к проведению принудительной реорганизации, является Федеральный закон «О жилищных накопительных кооперативах». Так, в соответствии со ст. 13 рассматриваемого закона кооператив может быть добровольно или принудительно реорганизован в порядке, предусмотренном законом. Основанием для принудительной реорганизации закон указывает превышение предела числа членов кооператива в соответствии с рассматриваемым законом⁷.

При рассмотрении вопроса о принудительной реорганизации нельзя не дать правовую оценку и тому, что, несмотря на то что п. 2 ст. 57 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что принудительная реорганизация осуществляется в форме разделения или выделения из его состава одного или нескольких юридических лиц, отраслевые нормативно-правовые акты устанавливают иные возможные формы принудительной реорганизации в качестве исключения из общего правила: в частности, согласно ст. 189.45 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» установлены случаи, в соответствии с которыми Банк России вправе требовать реорганизации кредитной организации по основаниям, предусмотренным законом в форме слияния или присоединения. Рассматривая нормы федеральных законов «О несостоятельности (банкротстве)», «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», мы видим, что законодатель предусмотрел исключение в части установления возможных форм при проведении принудительной ре-

организации для кредитных организаций, и это связано с тем, что оздоровление таких организаций возможно лишь через укрупнение организации, путем слияния капиталов двух и более подобных организаций⁸.

Рассмотрев правовой режим принудительной реорганизации, можно сделать вывод, что отношения, возникающие в связи с принудительной реорганизацией с точки зрения их правовой природы, входят в предмет гражданского права, а в основе процедур и оснований принудительной реорганизации могут выступать лишь императивные нормы права, в ином случае реорганизация имеет диспозитивный характер, такие императивные нормы содержат специальные отраслевые нормативно-правовые акты, которые были рассмотрены выше. В качестве участников рассматриваемых отношений выступают учредители (участники) юридического лица, инициаторы, в том числе уполномоченные государственные органы, суд, арбитражные управляющие.

На основании вышеизложенного и исходя же из установленных нормативно-правовыми актами целей принудительной реорганизации и условий, необходимых для ее достижения, можно сделать вывод о том, что принудительная реорганизация, как и любое ограничение прав, может осуществляться лишь в общественных или государственных целях, в этой связи важно не только императивное установление оснований к проведению принудительной реорганизации и ее процедур, но и нормативное закрепление понятия принудительной реорганизации, отсутствующего на сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации. Исходя из п. 2 ст. 57 Гражданского кодекса РФ, а также других рассмотренных нормативно-правовых актов, считаем возможным предложить следующее определение термина «принудительная реорганизация юридического лица»: «Принудительная реорганизация юридического лица представляет собой вид реорганизации юридического лица, которая производится не только на основании решения органа управления юридического лица, но и независимо от такого решения, на основании решений уполномоченных государственных органов или по решению суда в общественных или государственных целях».

⁶ Карлин А.А. Реорганизация акционерного общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 4.

⁷ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ (ред. от 27.06.2019) «О жилищных накопительных кооперативах». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51058/

⁸ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2019) «О несостоятельности (банкротстве)». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/

Литература

1. Карлин А.А. Реорганизация акционерного общества : диссертация кандидата юридических наук / А.А. Карлин. Москва, 2004. 158 с.
2. Конкурентное право Российской Федерации : учебное пособие для вузов / Н.В. Васильев [и др.] ; под редакцией Н.И. Клейн, Н.Е. Фонаревой. Москва : Логос, 1999. С. 224–225.
3. Рихтерман В.Я. Правовое регулирование принудительной реорганизации акционерных обществ : диссертация кандидата юридических наук / В.Я. Рихтерман. Москва, 2010. 183 с.

Содержание терминов «криптовалюта» и «токен» в праве России, Германии и США

Саликов Даниил Александрович,
магистрант кафедры гражданского и международного
частного права (базовая кафедра Южного
научного центра Российской академии наук)
Волгоградского государственного университета
daniilsalikov@mail.ru

Легальное закрепление терминов «криптовалюта» и «токен» на настоящий момент в законодательстве Российской Федерации отсутствует. Однако представлен законопроект, согласно которому криптовалюта и токены определяются как разновидности цифрового финансового актива. Криптовалюта — это вид цифрового финансового актива (ЦФА), создаваемого и учитываемого в распределенном реестре цифровых транзакций. Токен — это вид ЦФА, выпускаемого эмитентом (ИП или ЮЛ) в целях привлечения инвестирования, учитываемого в реестре цифровых записей. В свою очередь, цифровой финансовый актив — это имущество в электронной форме, созданное при помощи использования шифровальных средств¹.

Другими словами, авторы законопроекта предлагают унифицированный подход к регулированию выпуска токенов и криптовалюты, т.е. без учета дифференциации прав владельца токенов на утилитарные и инвестиционные токены. Такой подход стоит в диаметрально противоположном направлении с позициями ряда иностранных правопорядков, в частности, Федеративной Республики Германия и Соединенных Штатов Америки.

Ряд ученых немецкой доктрины тяготеют к необходимости дифференциации токенов в зависимости от правовой природы прав на них. Так, авторы предлагают различать следующие категории токенов: криптовалюта (эфириум), утилитарные токены (filecoin) и инвестиционные токены (DAO)². Различие в категориях сводится к неоднородности функций тех или иных токенов: если инвестиционные токены выпускаются с целью привлечения капитала (процедура ICO близка к IPO), то регулирование должно осуществляться в порядке, предусмотренном законодательством о ценных бумагах, и такие токены, соответственно, представляют собой ценные бумаги, а эмитент обязан представлять проспект выпуска. Приобретение утилитарных токенов, напротив, представляет

собой договор купли-продажи товара или оказания услуг, и, соответственно, к ним дополнительно должно применяться законодательство о защите прав потребителей. В случае с утилитарными токенами приобретает значение пользование и потребление определенного продукта, однако, в отличие от инвестиционных токенов, здесь присутствуют риски не финансового характера, а потребительского: качество товара/услуг и связанные с этим права. В свою очередь, криптовалюта в чистом виде рассматривается как платежное средство и в вопросах ее регулирования следует руководствоваться законодательством о банковской деятельности и платежных системах.

Рассматривая вопрос о применении к токенам законодательства о ценных бумагах, некоторые авторы делают вывод о том, что инвестиционные токены стандартизованы и, следовательно, могут быть предметом передачи от одного лица к другому. Более того, токены выступают средством правовой легитимации, как и ценные бумаги. Утилитарные токены могут быть эмиссионными, а могут не быть, в зависимости от признаков, определяющих их однородность. На основании этих выводов авторы предлагают распространять правовой режим ценных бумаг только на инвестиционные токены, в отношении же криптовалюты должен действовать обратный принцип³.

В Европейском союзе для целей налогообложения криптовалюта рассматривается как нематериальный актив (товар), а не как валюта или деньги. В Германии криптовалюта облагается налогом на прирост капитала (Capital Gains Tax) и налогом на богатство (Wealth Tax)⁴.

Несмотря на тот факт, что законодательство США, по мнению экспертов в сфере цифровой инфраструктуры, является наиболее удобным для осуществления предпринимательской деятельности с использованием криптовалюты, правовое регулирование цифровых активов в США не менее сложное, чем в Европе. Во многом данный факт объясняется особенностью деления правовой системы США на федеральное право и право штатов.

¹ Федеральный закон (проект) № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». URL: https://www.minfin.ru/common/.../Zakonoproekt_o_TSFA_250118_na_sayt.docx (дата обращения: 20.10.2019).

² Hacker, Philipp, & Thomale, Chris. Crypto-Securities Regulation: ICOs, Token Sales and Cryptocurrencies under EU Financial Law. European Company and Financial Law Review. De Gruyter. 2018. Vol. 15 (4). P. 12–13.

³ Borkert, K. Crowdfunding goes Blockchain — Teil 2 Gesellschaftsrechtliche und regulatorische Aspekte bei der Unternehmensfinanzierung mittels Initial Coin Offerings // ITRB. 2018. P. 94.

⁴ Долгиева М.М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 120.

В законодательстве штатов первыми разрешили использование криптовалюты власти Калифорнии, приняв закон, позволяющий корпорациям или частным лицам быть участниками оборота денег, отличных от законных платежных средств США, вступивший в законную силу в 2015 г.⁵ В штате Нью-Йорк Департамент финансовых услуг способствовал введению специальной лицензии на осуществление предпринимательской деятельности с использованием криптовалюты — BitLicense (Virtual Currency Business Activity)⁶. В штате Вашингтон был принят Закон «Об унификации денежных услуг», согласно которому цифровая валюта — это объект денежных переводов. Для осуществления переводов криптовалюты субъектам необходимо получить лицензию (Washington Money Transmitter License). Под действие этого закона подпадают и организации, осуществляющие деятельность по оказанию услуг предоставления цифровых кошельков⁷.

Опыт определения правовой природы цифровых активов в США достаточно противоречивый. Так, например, в одном деле американская комиссия по биржам и ценным бумагам (SEC) приравнивает ICO к IPO и накладывает арест на неамериканскую криптобиржу BTC-E, после чего привлекает к ответственности в виде штрафа размером 122 млн долл. организацию и 12 млн долл. — одного из соучредителей организации Александра Винника⁸. SEC распространила правила об обороте ценных бумаг на бирже к деятельности BTC-E, другими словами — правовой режим ценных бумаг на криптовалюту.

С другой стороны, ранее в июле 2016 г. окружной суд Майами-Дейд штата Флорида установил, что криптовалюта является не «платежным инструментом» (payment instrument), а «платежным поручением, варрантом, электронным инструментом» и т.п.⁹. Вместе с тем окружной суд Южного округа Нью-Йорка по делу об использовании и передаче нелегитимированной криптовалюты сослался на ранее вынесенное решение (судебный прецедент) и постановил, что «биткойн — это денежные средства»¹⁰. Судебным прецедентом послужило решение, принятое ранее в 2013 г. окружным судом Восточного округа Техаса, согласно которому биткойн был признан валютой, а финансовое законодательство было применено к операциям с криптовалютой¹¹.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в США различают два вида токенов: производственные и инвестиционные. Производственные токены являются денежными суррогатами, следовательно, на них не распространяется законодательство о ценных бумагах. Инвестиционные токены, во-первых, служат для получения денежных средств от операций купли-продажи таких токенов, а во-вторых, гарантируют получение части прибыли в виде дивидендов¹².

В отличие от зарубежных взглядов, отечественный законопроект, который воплощает в себе общие идеи и взгляды российских специалистов на данные явления, предлагает унифицированный подход, согласно которому общим родовым понятием выступает «цифровой финансовый актив» — имущество в электронной форме.

В юридической литературе можно найти как преимущества выбранного авторами законопроекта, так и недостатки. Например, Д.В. Федоров пишет о том, что унифицированный подход избавляет эмитентов от необходимости и потенциально трудоемких и ресурсозатратных операций: определения правовой природы и вида токена в каждом отдельном случае выпуска токенов, поскольку гибридные формы токенов представляют значительные трудности¹³.

Проблема в данном случае кроется в следующем: утилитарные токены значительно менее рискованные, чем инвестиционные токены. Приобретая, к примеру, в музыкальном агрегаторе подписку на прослушивание песен, субъект вступает в потребительские правоотношения, его риски ограничены стоимостью подписки в токенах и качеством сервиса. Напротив, если субъект приобретает токены, посредством которых осуществляется инвестирование или поддержка проекта, то, соответственно, его риски растут прямо пропорционально вкладываемой сумме и успешности реализации проекта. Следовательно, один из отличительных критериев вида токенов — степень риска.

Унифицированный подход нивелирует различия видов токенов, распространяя на утилитарные токены правовой режим инвестиционных. Заметим, что режим последних более жесткий и аналогичен ценным бумагам. Так, ст. 3 законопроекта устанавливает ряд требований к раскрытию информации эмитентом. Подобные требования содержит и п. 2 ст. 22 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», согласно которому проспект ценных бумаг должен содержать бухгалтерскую (финансовую) отчетность эмитента. Норма п. 1 ст. 22 закона определяет случаи, когда обязанность отпадает. Однако законопроект таких положений не содержит. Из сказанного следует, что при ICO инвестиционные токены, которые в действительности являются ценными бумагами или деривативами, подпадают под действие законопроекта и эмитентам таким

⁵ California Governor Grants Bitcoin 'Legal Money' Status // CoinDesk. 29.06.2014 (дата обращения: 20.10.2019).

⁶ New York Codes, Rules and Regulations. Virtual Currencies // New York State Department of Financial Services (дата обращения: 20.10.2019).

⁷ Uniform Money Services Act. Interim Regulatory Guidance // Washington State Department of Financial Institutions (дата обращения: 20.10.2019).

⁸ Кузнецова Н. Какие токены выпускать, чтобы не было проблем в США? URL: https://www.if24.ru/kakie-tokeny-vypuskat-bez-problem/?utm_source=fb&utm_medium=cpc&utm_campaign=tokeny-bez-problem (дата обращения: 20.10.2019).

⁹ The State of Florida vs. Michell Abner Espinoza // Eleventh Judicial Circuit of Florida. 2016.

¹⁰ Judge Rules Bitcoin is Money in Coin.mx cases // The Merkle. 2016.

¹¹ Memorandum opinion regarding the court's subject matter jurisdiction // United States District Court. 08.06.2013 (дата обращения: 20.10.2019).

¹² Лагутин И.Б., Сусликов В.Н. Правовое обеспечение блокчейн-технологий (вопросы теории и практики) // Финансовое право. 2018. № 1. С. 27.

¹³ Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2 (18). С. 51.

образом предоставляется привилегированный режим. Соглашаясь с Д.В. Федоровым, отметим, что данный пробел законопроекта кроет в себе способ злоупотребления правом, а также возможность «обхода закона по закону» в мошеннических целях либо в целях создания условий недобросовестной конкуренции.

Позиция государственной власти России относительно криптовалюты наблюдается в судебном правоприменении. С 2016 года стали появляться дела по спорам, связанным с криптовалютой. Анализ небольшой, но показательной базы правоприменения позволяет констатировать осторожное и негативное отношение к операциям с биткоинами. Так, арбитражный суд Тюменской области, разрешая спор о банкротстве, сделал вывод: «...поведение должника, сознательно допустившего увеличение кредиторской задолженности для целей ведения операций с криптовалютой (биткоинами), не может быть признано судом добросовестным». В мотивировочной части судебного постановления суд обратился к понятию суррогата денежных средств, которые запрещены ст. 27 закона о Банке России¹⁴. В 2017 году в решении районного суда Санкт-Петербурга прямо указано, что криптовалюты являются денежными суррогатами, способствуют росту теневой экономики и не могут быть использованы гражданами и юридическими лицами на территории Российской Федерации¹⁵.

Девятый арбитражный апелляционный суд вынес первое в России судебное постановление, в котором криптовалюта квалифицируется как имущество и фактически определяется ее правовая природа¹⁶. Суд, ссылаясь

на открытый перечень ст. 128 ГК РФ и законопроект о цифровых финансовых активах, делает вывод о том, что любое имущество должника, имеющее экономическую ценность, для кредиторов (включая криптовалюту) не может быть произвольно исключено из конкурсной массы. Вывод данного судебного акта в том, что криптовалюта признана имуществом в электронной форме.

Таким образом, выяснив, что ни один современный правовой порядок не содержит однородных действующих норм, устанавливающих правовой статус токенов и криптовалюты, можно сделать следующие выводы из вышесказанного. Немецкоязычная доктрина в большей части придерживается подхода, согласно которому термин «токен» — общий по отношению к другим явлениям. Токен — родовое понятие, в объем которого входят собственно криптовалюта (cryptocurrency), утилитарные токены (utility tokens), инвестиционные токены (investment tokens). В практике США различают: криптовалюту (производственный токен) — цифровой актив как денежное средство, инвестиционный токен — цифровой актив как ценную бумагу. Данный подход основан на дифференциации токенов в зависимости от функционала и цели использования токенов.

Отечественный правовой порядок склоняется к унифицированной позиции: 1) криптовалюта как электронное денежное средство, используемое исключительно только в блокчейн-системах, составляет разновидность цифровых финансовых активов; 2) токен суть совокупность финансовых инструментов, обеспечивающих деятельность по инвестированию и обмену товарами, работами и услугами, исключительно в блокчейн-системах, составляет вторую разновидность цифровых финансовых активов. Цифровые финансовые активы признаются имуществом в электронной форме судебным правоприменением и авторами законопроекта. Целесообразно нормативно-правовой акт, регулирующий цифровые правоотношения, дополнить положениями о различном правовом статусе токенов в зависимости от их функционала и степени риска.

¹⁴ Определение Арбитражного суда Тюменской области от 22 июня 2016 г. Дело № А70-15360/2015. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁵ Решение Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 16 мая 2017 г. Дело № 2-1993/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2019).

¹⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.10.2019).

Литература

1. Долгиева М.М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // *Lex Russica*. 2018. № 10 (143). С. 116–129.
2. Кузнецова Н. Какие токены выпускать, чтобы не было проблем в США? / Н. Кузнецова. URL: https://www.if24.ru/kakie-tokeny-vypuskat-bez-problem/?utm_source=fb&utm_medium=cpc&utm_campaign=tokeny-bez-problem (дата обращения: 20.10.2019).
3. Лагутин И.Б. Правовое обеспечение блокчейн-технологий (вопросы теории и практики) / И.Б. Лагутин, В.Н. Сусликов // *Финансовое право*. 2018. № 1. С. 25–29.
4. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д.В. Федоров // *Вестник гражданского права*. 2018. № 2 (18). С. 30–74.
5. Borkert, K. Crowdfunding goes Blockchain — Teil 2 Gesellschaftsrechtliche und regulatorische Aspekte bei der Unternehmensfinanzierung mittels Initial Coin Offerings / K. Borkert // *ITRB*. 2018. P. 45–53.
6. Hacker, P. Crypto-Securities Regulation: ICOs, Token Sales and Cryptocurrencies under EU Financial Law / P. Hacker, C. Thomale // *European Company and Financial Law Review*. 2018. Vol. 15 (4). P. 645–696.
7. Reminesjoseph. Judge Rules Bitcoin is Money in Coin.mx cases / Reminesjoseph // *The Merkle*. 2016. September 22 (дата обращения: 20.10.2019).
8. Rizzo, P. California Governor Grants Bitcoin 'Legal Money' Status / P. Rizzo // *CoinDesk*. 2014. June 29 (дата обращения: 20.10.2019).

Особенности терминологии в юридическом дискурсе*

Чеметева Юлия Владимировна,

магистрант кафедры конституционного и муниципального права

Волгоградского государственного университета

iuliakazankova@mail.ru

Тексты, функционирующие в юриспруденции, относятся к юридическому дискурсу, ежедневно присутствующему в жизни каждого человека. Юридический дискурс ориентирован на все слои общества, является одним из самых актуальных, популярных и востребованных дискурсов современности и не ограничивается законодательными и процессуальными текстами¹.

Одним из наиболее полных определений понятия «юридический дискурс», как мы полагаем, является определение О.В. Косоноговой: «Юридический дискурс — особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков, формирующих как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых субъект, адресат или содержание (или хотя бы одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции и/или встречаются в рамках пересечения данного дискурса с другими типами дискурса (исторического, политического, педагогического, военного, дискурсом СМИ, художественным дискурсом и др.)»². Данное определение подразумевает, что юридическому дискурсу свойственно пересечение с другими институциональными разновидностями дискурса, что, безусловно, влияет на его лексический состав в целом и терминологию в частности.

Юридический дискурс, согласно Е.А. Кожемякину, «разворачивается» в межинституциональной и межкультурной среде и «обслуживает» другие институты, обеспечивая социальный контроль и регулируя институциональные отношения³. Данный тезис позволяет сделать вывод о том, что юридический дискурс тесно связан с ценностными системами общества, с политической, экономической и другими сферами, а также указывает на возможность взаимопроникновения юридического дискурса в другие разновидности дискурса и, следовательно, их взаимовлияния, отражающегося в том числе на терминологии. Помимо элементов других видов институционального дискурса, влияние на юридический дискурс

могут оказывать элементы так называемого лично-ориентированного дискурса. В.И. Карасик полагает, что любой институциональный дискурс представляет собой специализированную клишированную разновидность общения между людьми, однако допускает личностное начало в данном общении⁴. О.В. Косоногова, рассуждая о юридическом дискурсе как специфичной разновидности институционального дискурса, полагает, что он «лимитирует» коммуникативные стратегии его участников. Действительно, строгие рамки официально-делового стиля, в котором по большей части функционирует юридический дискурс, налагают свой отпечаток, сказывающийся на строгом подчинении грамматическим и лексическим нормам. Однако, как справедливо замечает автор, юридический дискурс может допускать элементы лично-ориентированного дискурса. О.В. Косоногова полагает, что анализ юридического дискурса не должен сводиться к рассмотрению лишь институциональных форм общения, в которых используется исключительно язык права. Ориентированность юридического дискурса на все слои общества предполагает его рассмотрение как с точки зрения его статусно ориентированной или лично-ориентированной характеристик, так и с учетом возможного смешения этих форм⁵.

Тексты, функционирующие в юридическом дискурсе, излагаются в рамках так называемого юридического языка, определяемого О.В. Косоноговой как «язык закона, нормативных и процессуальных актов; устной публичной юридической речи (выступлений в ходе судебного заседания, лекций на правовую тематику); судебно-медицинских экспертиз; язык правоповедения как науки»⁶. Юридический язык, реализуемый в рамках официально-делового стиля, отличается точностью, четкостью использования грамматических правил, стилистической нейтральностью. Действительно, текстам нормативных

¹ Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // ИСОМ. 2015. Т. 7. № 1. С. 61–68.

² Там же.

³ Кожемякин Е.А. Юридический дискурс // Дискурс-Пи. 2013. № 3. С. 126–127.

⁴ Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

⁵ Косоногова О.В. Указ. соч.

⁶ Косоногова О.В. Динамика развития ономастического пространства англоязычной юридической терминологии : монография / Центр развития научного сотрудничества. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2016. 84 с.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00251 «Тенденции развития языковых средств юридической техники гражданско-правового договора».

правовых актов, договоров, судебных решений присущи данные характеристики, однако юридический дискурс не ограничивается данными жанрами и включает также тексты допросов, протоколы судебных заседаний, допускающие выход за рамки официально-делового стиля, так как упомянутые виды текстов предполагают цитирование, косвенную речь участников процесса. Мы полагаем, что подобные жанры могут служить одним из источников пополнения юридической терминологии стилистически маркированными единицами. Переходя непосредственно к рассмотрению юридической терминологии, остановимся на понятии «термин».

В книге В.М. Лейчика «Терминоведение. Предмет, методы, структура» комплексно рассмотрено понятие «термин». Учитывая множество проанализированных аспектов данного понятия, ученый формулирует следующее определение: «Термин — лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее — конкретное или абстрактное — понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности»⁷.

Так как в рамках данного исследования нас интересует терминология юридического дискурса, следует привести определение понятия юридического термина. Согласно В.Ю. Туранину, «юридический термин — это слово (или словосочетание), точно обозначающее соответствующее правовое понятие, однозначно воспринимаемое в пределах юридического языка, смысл которого выражен с помощью определения»⁸. Автор сформулировал данную дефиницию на основе выделенных им свойств юридического термина, значимых для юридического языка: точность обозначения соответствующего правового понятия (полноценное отражение содержания понятия, то есть совокупности его существенных признаков); однозначность восприятия в рамках юридического языка (должно обеспечиваться «прозрачным» окружающим контекстом и четко сформулированной дефиницией); наличие определения (законодательно закрепленного (официального) или же научно обоснованного (неофициального))⁹.

Понятие термина тесно соотносится с понятием терминологии. Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, терминология представляет собой совокупность терминов, используемых в определенной области знания¹⁰. Что касается юридической терминологии, данное понятие вслед за В.Ю. Тураниным мы рассматриваем как внутренне организованную совокупность юридических терминов¹¹. Помимо В.Ю. Туранина вопросами изучения юридической терминологии занимались В.А. Толстик, И.В. Тимошенко, Н.А. Власенко, В.М. Савицкий, Д.А. Керимов и другие правоведы, чьи научные интересы

включали вопросы юридической техники, культуры языка права, риторики. В работах многих ученых высказывается мысль о необходимости введения в учебную программу отдельной дисциплины по изучению терминологии для студентов-юристов, что, по нашему мнению, содержит рациональное зерно.

В науке распространены различные классификации юридической терминологии: по сфере употребления, источнику возникновения, степени распространенности, в зависимости от наличия или отсутствия легальной дефиниции и т.д. В данной работе мы опираемся на классификацию юридических терминов по степени распространенности в русском языке, обоснованную М.Л. Давыдовой в монографии «Юридическая техника. Проблемы теории и методологии». Согласно автору, юридические термины подразделяются на общеупотребляемые и специальные, которые, в свою очередь, также делятся на специально-юридические и узкопрофессиональные¹².

К общеупотребляемым терминам относятся те единицы, которые могут использоваться как в деловых документах, в юридической науке и практике, так и в художественной и научной литературе, в бытовой речи. Данные термины понятны для большинства людей и составляют значительную часть текстов юридических документов, научных работ в области права, а также распространены в устном юридическом дискурсе. Приведем пример: «*Общественные объединения равны перед законом*»¹³.

К специальным терминам относятся единицы, функционирующие в какой-либо конкретной отрасли научного знания, в зависимости от которой они подразделяются на две группы. Группу специально-юридических терминов составляют термины, образованные и введенные в употребление в юридическом дискурсе законодателем или юридической доктриной. Приведем пример: «*Иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены также в суд по месту жительства или месту пребывания истца либо по месту заключения или месту исполнения договора*»¹⁴.

Группу узкопрофессиональных терминов составляют термины, заимствованные из различных областей специальных знаний и используемые в юридическом дискурсе. При использовании таких терминов в законодательстве, юридической науке или практике за ними сохраняется то значение, которое закреплено в соответствующей области знаний. С развитием науки и техники, появлением новых отраслей деятельности юридический дискурс принимает новые термины, описывающие регулирование новых видов правовых отношений. Подобные термины часто встречаются в научных текстах, особенно в статьях,

⁷ Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

⁸ Туранин В.Ю. Феномен юридической терминологии : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста РФ Н.А. Власенко. М. : Юрлитинформ, 2018. 184 с.

⁹ Там же.

¹⁰ Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение : учебное пособие. М. : Академия, 2008. 304 с.

¹¹ Туранин В.Ю. Указ. соч.

¹² Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография / М.Л. Давыдова ; ГОУ ВПО «ВолГУ». Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.

¹³ Конституция Российской Федерации. П. 4 ст. 13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.11.2019).

¹⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. П. 7 ст. 29 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.11.2019).

посвященных междисциплинарным исследованиям и исследованиям в области инноваций в праве. Приведем пример из научной статьи: «Под базой данных (п. 2 ст. 1260 ГК РФ) понимается представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ»¹⁵.

Интересным представляется тот факт, что между общепотребительными и специальными группами терминов происходят непрерывные диффузионные процессы¹⁶. Так, например, ранее гражданско-правовой термин «алименты» относился к специальным терминам юридической терминологии, однако сейчас данная лексическая единица весьма распространена в бытовой речи, и термин, скорее, уже является общепотребляемым. Приведем пример с термином «алименты» из информационного текста СМИ, ориентированного на массового реципиента, что свидетельствует о его переходе в разряд общепотребляемых: «Путин подписал закон о праве нуждающихся лиц получать алименты с родственников и членов семьи, включая даже бывших супругов»¹⁷.

Так как наше исследование сосредоточено главным образом на поиске и анализе стилистически маркированных терминологических единиц, для данной работы интерес представляет классификация так называемых специальных лексем, приведенная С.В. Гриневым-Гриневичем в учебном пособии «Терминоведение». Наряду с терминами С.В. Гринев-Гриневич выделяет следующие специальные лексемы: терминоиды, предтермины, квазитермины, прототермины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Приведем краткую характеристику каждой специальной лексемы, проиллюстрировав примерами из юридических текстов.

Терминоиды, согласно ученому, представляют собой недостаточно устоявшиеся или неоднозначно определяемые понятия. Данные лексические единицы не имеют таких терминологических свойств, как точность значения, контекстуальная независимость и постоянный устойчивый характер. Не имея четких семантических границ, они могут обладать несколькими дефинициями, по-разному определяться в зависимости от контекста. Многие терминоиды, входя в законодательные тексты и обретая официальную дефиницию, становятся терминами-неологизмами. Большинство терминоидов, выявленных нами в процессе исследования, функционируют в новых отраслях права, служат для наименования инновационных технологий в юриспруденции. Приведем пример:

¹⁵ Ламанов С.А. Базы данных как объекты авторских и смежных прав: критерии разграничения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 3 (16). С. 22–26.

¹⁶ Толстик В.А. Проблемы классификации юридической терминологии // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 176–182.

¹⁷ Путин подписал закон об алиментах с бывших супругов // Радиостанция «Эхо Москвы». URL: <https://echo.msk.ru/blog/pashabite/2393197-echo/> (дата обращения: 23.10.2019).

«Основным преимуществом применения технологии блокчейна является безопасность осуществляемых операций»¹⁸.

Под предтерминами подразумеваются лексические единицы, используемые в качестве терминов для обозначения понятий, но не соответствующие критериям термина (чаще всего краткости). Предтерминами нередко выступают описательные обороты, сочинительные словосочетания, деепричастные обороты. Приведем пример: «...истцом не соблюден установленный федеральным законом для данной категории споров или предусмотренный договором сторон досудебный порядок урегулирования спора либо истец не представил документы, подтверждающие соблюдение досудебного порядка урегулирования спора с ответчиком, если это предусмотрено федеральным законом для данной категории споров или договором»¹⁹. Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, предтермины зачастую именуют новые понятия, носят временный характер и в большинстве случаев со временем вытесняются терминами, однако иногда замена предтермина соответствующей параметрам термина лексической единицей долго не происходит, и предтермин закрепляется за понятием и переходит в разряд так называемых квазитерминов. Наше исследование демонстрирует, что в юридических текстах встречается достаточно большое количество терминологических единиц, не соответствующих критерию краткости, которые могут быть отнесены к разряду квазитерминов.

Под прототерминами лингвист понимает специальные лексические единицы, функционирующие в какой-либо области знания в донаучный период ее развития. К данной категории можно отнести многие устаревшие термины. В актуальных документах прототермины встречаются достаточно редко, однако часто используются в научных текстах по истории государства и права, философии права. Приведем пример: «Как свидетельствуют архивные документы, староста скреплял подписью мирские решения, удостоверяя их законность, и подавал по мирскому решению челобитные о гражданских нуждах»²⁰.

Достаточно сложным на первый взгляд представляется выделение профессионализмов. Мы полагаем, что профессионализмы носят полуофициальный характер и используются преимущественно в устной речи. От профессионализмов термины отличаются тем, что они обозначают абстрактные понятия, являются стилистически нейтральными, точными и однозначными в пределах своего терминологического поля, не обладают образностью и экспрессией, имеют ясную и логичную смысловую струк-

¹⁸ Бегларян М.Е., Добровольская Н.Ю. Блокчейн-технология в правовом пространстве // Вестник КРУ МВД России. 2018. № 2 (40). С. 108–112.

¹⁹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Подп. 1 п. 1 ст. 135 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.11.2019).

²⁰ Лезина Е.П. Развитие системы управления в XVIII веке (формирование городского самоуправления) // Вестник МГУ. 2005. № 1-2. С. 57–62.

туру и выступают в своем прямом значении²¹. Приведем пример: «А что для *физиков*, то бишь для *физических лиц*?»²² Следует заметить, что, функционируя в своей «естественной среде», юридические профессионализмы лишь заменяют официальные понятия, не неся никакой стилистической нагрузки. Образуясь и функционируя внутри какой-либо сферы при общении специалистов, профессионализмы в большинстве своем не выходят за рамки данной сферы и составляют так называемый «кодовый язык» представителей конкретной профессии.

Не менее интересными представляются такие лексические единицы, как профессиональные жаргонизмы в юридическом языке. Профессиональные жаргонизмы представляют собой разряд «пассивной» лексики, к которой относятся слова, используемые обособленной группой людей, объединенных по социальному признаку²³. К данному определению следуют добавить также то, что данные специальные лексемы обладают яркой экспрессией, зачастую грубой и сниженной. Как и профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, выступая в письменной речи выразительными средствами, в устной речи в рамках той сферы, в которой они образовались и функционируют, являются заменителями терминов. С.В. Гринев-Гриневиц, рассуждая о профессионализмах и профессиональных жаргонизмах, утверждает, что у

данных лексических единиц должен быть синоним-термин, иначе сам профессионализм или профессиональный жаргонизм может впоследствии перейти в разряд терминов. Приведем пример юридического термина, образованного с помощью профессионального жаргонизма: «К мерам, направленным на противодействие *легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, относятся...*»²⁴

Таким образом, нами были рассмотрены классификация юридических терминов по степени распространенности в русском языке и классификация так называемых специальных лексем, обладающих определенной стилистической маркированностью. В ходе исследования мы пришли к выводу, что лексический состав юридического дискурса не ограничивается официально-деловой лексикой. Проникновение стилистически маркированных лексических единиц, в том числе терминов, в юридические тексты обусловлено, как мы полагаем, взаимным влиянием юридического дискурса и других разновидностей институционального дискурса. Кроме того, источниками стилистически маркированной лексики в юридических текстах могут выступать элементы личностно-ориентированного дискурса, присущие таким жанрам, как допрос, протокол судебного заседания, и другим жанрам, для которых характерны цитирование, косвенная речь.

²¹ Давыдова М.Л., Филимонова Н.Ю. Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия // Юрислингвистика. 2013. № 2. С. 16–23.

²² Алистархов В. Новая оценка кадастровой стоимости, или Как не наступить на грабли дважды... // Жилищное право. 2018. № 10. С. 139–145.

²³ Горкин А.П. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М. : Росмэн-Пресс, 2006. 584 с.

²⁴ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 18.03.2019) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

Литература

1. Алистархов В. Новая оценка кадастровой стоимости, или Как не наступить на грабли дважды... / В. Алистархов // Жилищное право. 2018. № 10. С. 139–145.
2. Бегларян М.Е. Блокчейн-технология в правовом пространстве / М.Е. Бегларян, Н.Ю. Добровольская // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 108–112.
3. Горкин А.П. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / А.П. Горкин. Москва : Росмэн-Пресс, 2006. 584 с.
4. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение : учебное пособие / С.В. Гринев-Гриневиц. Москва : Академия, 2008. 304 с.
5. Давыдова М.Л. Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия / М.Л. Давыдова, Н.Ю. Филимонова // Юрислингвистика. 2013. № 2. С. 16–23.
6. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография / М.Л. Давыдова. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.
7. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов / под редакцией В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
8. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс / Е.А. Кожемякин // Дискурс-Пи. 2013. № 3. С. 126–127.
9. Косоногова О.В. Динамика развития ономастического пространства англоязычной юридической терминологии : монография / О.В. Косоногова // Центр развития научного сотрудничества. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2016. 84 с.
10. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры / О.В. Косоногова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 61–68.
11. Ламанов С.А. Базы данных как объекты авторских и смежных прав: критерии разграничения / С.А. Ламанов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 3 (16). С. 22–26.
12. Лезина Е.П. Развитие системы управления в XVIII веке (формирование городского самоуправления) / Е.П. Лезина // Вестник Мордовского университета. 2005. Т. 15. № 1-2. С. 57–62.
13. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. 4-е изд. Москва : URSS, 2009. 256 с.
14. Толстик В.А. Проблемы классификации юридической терминологии / В.А. Толстик // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 176–182.
15. Туранин В.Ю. Феномен юридической терминологии : монография / под редакцией Н.А. Власенко. Москва : Юрлитинформ, 2018. 184 с.

ОБЗОР практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2019 года

Настоящий обзор посвящен наиболее важным решениям, принятым Конституционным Судом Российской Федерации (далее — Конституционный Суд) во втором и третьем кварталах 2019 года (постановления, определения по жалобам и запросам).

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 28 мая 2019 года № 21-П Конституционный Суд дал оценку конституционности по делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решается вопрос о законности передачи членами общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации одному или нескольким членам общины права добычи объектов животного мира.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, так как они предполагают, что поскольку лицом, которое имеет право пользования объектами животного мира в пределах установленных лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд, является каждый член общины коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации вне зависимости от наличия у него статуса охотника, то в случае, если охота осуществляется такой общиной в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности, члены этой общины вправе поручить одному или нескольким ее членам, имеющим статус охотника, добычу охотничьих ресурсов в объеме, не превышающем сумму приходящихся на каждого члена общины лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд.

2. Постановлением от 6 июня 2019 года № 22-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений подпункта 3 пункта 8 статьи 346.43, статьи 346.47 и пункта 1 статьи 346.48 Налогового

кодекса Российской Федерации, а также положений Закона Мурманской области «О патентной системе налогообложения на территории Мурманской области».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос об определении количества обособленных объектов (площадей) для целей установления размера потенциально возможного к получению годового дохода при применении индивидуальными предпринимателями патентной системы налогообложения в случае сдачи в аренду (наем) помещений (площадей) как частей объекта, указанного налогоплательщиком в заявлении на получение патента.

Конституционный Суд признал оспоренные взаимосвязанные положения Налогового кодекса Российской Федерации, предоставляющие субъектам Российской Федерации полномочие устанавливать размер потенциально возможного к получению индивидуальным предпринимателем годового дохода в отношении деятельности по сдаче в аренду (наем) помещений, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают необходимость использования для этой цели таких характеристик обособленных объектов (площадей), которые реально влияют на возможный экономический результат от сдачи их в аренду (наем) и не подразумевают определения количества обособленных объектов (площадей) исключительно исходя из количества договоров аренды (найма), заключенных налогоплательщиком, без учета площади сдаваемых в аренду (наем) помещений.

Оспоренные положения указанного Закона Мурманской области признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не обеспечивают определенности в отношении объекта налогообложения и налоговой базы применительно к патентной системе налогообложения и, как следствие, — не обеспечивают экономической обоснованности взимания налога при применении индивидуальными предпринимателями данной системы налогообложения

в случае сдачи в аренду (наем) помещений (площадей) как частей объекта, указанного налогоплательщиком в заявлении на получение патента.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений при определении количества обособленных объектов (площадей) для целей установления размера потенциально возможного к получению годового дохода при применении индивидуальными предпринимателями патентной системы налогообложения в связи со сдачей в аренду (наем) помещений, принадлежащих им на праве собственности, на территории Мурманской области надлежит использовать количество объектов недвижимого имущества, указанное налогоплательщиком в заявлении на выдачу патента.

3. Постановлением от 18 июня 2019 года № 24-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос об исполнении организатором публичного мероприятия — в пределах своей компетенции по обеспечению общественного порядка и безопасности граждан при проведении публичного мероприятия — обязанности указать в уведомлении о проведении публичного мероприятия формы и методы обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи при проведении публичного мероприятия.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они:

не допускают возложения на организатора публичного мероприятия таких обязанностей по обеспечению общественного порядка и организации медицинской помощи во время его проведения, которые надлежит выполнять органам государственной и муниципальной власти и их уполномоченным представителям, обладающим в силу своего конституционно-правового статуса соответствующими публично-властными полномочиями;

не предполагают, что указание организатором публичного мероприятия в уведомлении о его проведении форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи при проведении публичного мероприятия, подтверждающее принятие им на себя соответствующих обязательств и отражающее его представление о целесообразности этих форм и методов, может квалифицироваться органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления как невыполнение требований, предъявляемых данным Федеральным законом к содержанию уведомления о проведении публичного мероприятия, и служить основанием для его возвращения организатору без рассмотрения;

не освобождают орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного само-

управления от направления организатору публичного мероприятия мотивированных (обоснованных) предложений об изменении (дополнении, уточнении) форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, указанных в уведомлении о его проведении, если они считают их не отвечающими требованиям данного Федерального закона;

не препятствуют организатору публичного мероприятия при недостижении согласия с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления в отношении указанных в уведомлении о его проведении форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи обратиться в суд, который обязан в максимально короткий срок до даты проведения планируемого публичного мероприятия объективно и всесторонне оценить обоснованность замечаний (претензий), высказанных соответствующим органом организатору публичного мероприятия, а также оправданность адресованных ему предложений об изменении (дополнении, уточнении) таких форм и методов.

4. Постановлением от 18 июля 2019 года № 29-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой на его основании разрешается вопрос о запрете адвокату совмещать адвокатскую деятельность с деятельностью депутата представительного органа муниципального образования, осуществляющего полномочия на непостоянной основе.

Конституционный Суд признал спорное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не предполагает такого запрета.

5. Постановлением от 19 июля 2019 года № 30-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 24.1 Федерального закона «Об отходах производства и потребления».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой они позволяют признавать объектом обложения утилизационным сбором транспортные средства, помещенные под таможенную процедуру временного ввоза (допуска), и возлагать обязанность по уплате утилизационного сбора на лиц, осуществивших ввоз таких транспортных средств.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они допускают возложение обязанности по уплате утилизационного сбора за транспортные средства, помещенные под таможенную процедуру временного ввоза (допуска), на таких же условиях, как за транспортные средства, помещенные под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений при решении вопроса о взимании утилизационного сбора с лиц, осуществивших ввоз в Российскую Федерацию транспортных средств, помещенных под таможенную процедуру временного ввоза (допуска), следует исходить из недопустимости возложения на таких лиц обязанности по уплате утилизационного сбора.

6. Определением от 25 июня 2019 года № 1575-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 9 статьи 69, подпункта «е» пункта 2 и пункта 4 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части 14 статьи 74, пункта 6 части 4 и части 5 статьи 88 Избирательного кодекса города Москвы.

Оспоренными положениями устанавливаются основания и порядок повторного подсчета голосов избирателей, участников референдума на избирательном участке, участке референдума по решению вышестоящей комиссии; порядок и условия отмены судом решения избирательной комиссии о результатах соответствующих выборов после определения результатов выборов и принятии решения о проведении повторного подсчета голосов избирателей, участников референдума.

Как указал Конституционный Суд, оспоренные положения не допускают проведения по решению суда повторного подсчета голосов избирателей в случае, если такой подсчет на соответствующем избирательном участке уже был осуществлен на основании незаконного решения участковой избирательной комиссии, и не препятствуют принимавшим участие в выборах в качестве зарегистрированных кандидатов гражданам добиваться в судебном порядке отмены решений избирательных комиссий об итогах голосования и результатах выборов, установленных посредством повторного подсчета голосов избирателей, признанного судом незаконным.

Признание судом незаконным повторного подсчета голосов избирателей и отмена принятого на его основании решения (протокола) участковой избирательной комиссии об итогах голосования исключают возможность судебного назначения еще одного подсчета голосов избирателей, вследствие чего установление итогов голосования и определение результатов выборов в таком случае должны осуществляться на основании первоначального решения (протокола) участковой избирательной комиссии об итогах голосования, а если допущенные при его принятии (составлении) нарушения не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей — влечь за собой окончательное признание итогов голосования на избирательном участке недействительными и *a posteriori* внесение необходимых изменений в определение результатов выборов по соответствующему избирательному округу.

7. Определениями от 2 июля 2019 года № 1831-О и № 1832-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 21 статьи 381 Налогового кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям организации освобождаются от налога на имущество в течение трех лет со дня постановки его на учет в отношении вновь вводимых объектов, имеющих высокую энергетическую эффективность, в соответствии с перечнем таких объектов, установленным Правительством Российской Федерации, или в отношении вновь вводимых объектов, имеющих высокий класс энергетической эффективности, если в их отношении в соответствии с законодательством Российской Федерации предусмотрено определение классов их энергетической эффективности.

Как указал Конституционный Суд, в обязательные условия применения налогового освобождения, предусмотренного оспоренными положениями, входит возможность определения класса энергетической эффективности объектов налогообложения, когда такая возможность следует из действующих нормативных актов; если это условие не обеспечено в отношении какой-либо категории объектов, указанное налоговое освобождение нельзя считать применимым по причине отсутствия надлежащих к тому оснований, как их предусматривает налоговый закон; иное вело бы к избирательному и произвольному предоставлению преимуществ в налоговых отношениях — вопреки конституционным требованиям законного, равного и справедливого налогообложения.

8. Определением от 2 июля 2019 года № 1835-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 2 статьи 2.6.1, части 1 статьи 4.5, пункта 5 части 1 и пункта 6 части 4 статьи 28.1, части 3 статьи 28.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренными положениями определяются некоторые вопросы привлечения к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

Как отметил Конституционный Суд, если решением уполномоченного органа по жалобе собственника транспортного средства на вынесенное в отношении него постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 статьи 12.21.1 КоАП Российской Федерации, указанный собственник освобожден от административной ответственности в связи с подтверждением данных о том, что в момент фиксации административного правонаруше-

ния транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица, то в силу пункта 5 части 1 статьи 28.1 КоАП Российской Федерации это является поводом к возбуждению уполномоченным органом ГИБДД МВД России дела о привлечении такого лица к административной ответственности за совершение этого правонарушения, производство по которому также осуществляется в особом порядке, предусмотренном статьями 1.5, 2.6.1, 4.1 и 28.6 КоАП Российской Федерации, находящимися в нормативном единстве с иными статьями данного Кодекса, без составления протокола и в пределах установленного частью 1 статьи 4.5 КоАП Российской Федерации срока давности привлечения к административной ответственности.

Однако в указанном случае постановление о назначении лицу административного наказания не может быть вынесено ранее даты вступления в законную силу решения уполномоченного органа ГИБДД МВД России или суда, которым в соответствии с частью 2 статьи 2.6.1 КоАП Российской Федерации собственник транспортного средства освобожден от административной ответственности.

II

Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

9. Постановлением от 11 апреля 2019 года № 17-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой — четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения определяют основные понятия, используемые при регулировании оплаты труда; порядок и условия установления минимального размера заработной платы (в частности, требование, в соответствии с которым заработная плата работника, полностью отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже минимального размера оплаты труда), а также конкретизируют порядок определения размера минимальной заработной платы в субъекте Российской Федерации.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают включения в состав заработной платы (части заработной платы) работника, не превышающей минимального размера оплаты труда, повышенной оплаты сверхурочной работы, работы в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни.

10. Определением от 2 апреля 2019 года № 854-О Конституционный Суд выявил смысл положений статей 4 и 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».

Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».

Оспоренными положениями предусматривается поэтапное с 1 января 2019 года повышение возраста (на пять лет), по достижении которого назначаются государственные пенсии отдельным категориям граждан, страховые пенсии по старости и по случаю потери кормильца.

Как отметил Конституционный Суд, Конституция Российской Федерации не содержит прямого указания на пенсионный возраст и запрета на его изменение, поэтому законодатель правомочен повысить пенсионный возраст, если такое повышение обусловлено социально-экономическими, демографическими, медико-биологическими и другими объективными факторами.

При этом конституционные положения о социальном государстве и развивающие их правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации не предполагают установления количественных критериев или экономических показателей, которые создавали бы конституционно-правовой инструмент оценки такого законодательного решения. Поэтому проверка оспариваемых норм с целью ответа на вопрос о возможности повышения пенсионного возраста фактически означала бы оценку социально-экономической обоснованности и целесообразности решений законодателя.

Осуществленное законодателем повышение пенсионного возраста, безусловно, затрагивает права и законные интересы застрахованных лиц, поскольку получение пенсии откладывается на определенный период в зависимости от возраста на момент введения закона в действие, но само по себе оно не может расцениваться как лишение (отмена) права на пенсионное обеспечение или его умаление, притом что сохраняют свое значение страховой стаж и индивидуальный пенсионный коэффициент, а их величина, влияющая на приобретение права на пенсию и ее размер, должна учитываться независимо от даты наступления пенсионного возраста (даты назначения пенсии). Кроме того, установлен переходный период для адаптации к вносимым изменениям, закреплены гарантии увеличения размера страховой пенсии по старости и предусмотрены законодательные меры, призванные смягчить последствия введения нового правового регулирования, адресованные прежде всего гражданам, которые в ближайшие годы могли бы реализовать право на назначение пенсии согласно законодательству, действовавшему до 31 декабря 2018 года включительно.

11. Определением от 6 июня 2019 года № 1504-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 5 статьи 36 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации».

Согласно оспоренным положениям в случае причинения сотруднику Следственного комитета Российской Федерации в связи с исполнением служебных обязанностей телесных повреждений или иного вреда

здоровью, исключающих возможность в дальнейшем заниматься профессиональной деятельностью, ему ежемесячно выплачивается компенсация в виде разницы между его среднемесячным денежным содержанием и назначенной в связи с этим пенсией без учета суммы выплат, полученных по обязательному государственному личному страхованию.

Конституционный Суд отметил, что отсутствие в действующем законодательстве механизма увеличения (индексации) ежемесячной компенсации, выплачиваемой сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации в случае причинения им в связи с исполнением служебных обязанностей телесных повреждений или иного вреда здоровью, исключающих возможность в дальнейшем заниматься профессиональной деятельностью, может приводить к обесцениванию данной выплаты в условиях инфляции, роста цен и динамики стоимости жизни, что обуславливает необходимость совершенствования правового регулирования соответствующих отношений, с тем чтобы организационно-правовой механизм возмещения вреда, причиненного здоровью таких лиц в связи с исполнением ими служебных обязанностей, отвечал требованию эффективности и обеспечивал сохранение надлежащего уровня их материального обеспечения; однако выбор конкретного способа достижения указанной цели вправе осуществить федеральный законодатель, действуя в рамках своей дискреции и с соблюдением конституционных предписаний.

III

Конституционные основы частного права

12. Постановлением от 25 апреля 2019 года № 19-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг.

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании разрешается вопрос о возможности оплаты собственнику (владельцу) объектов электросетевого хозяйства, утратившему статус территориальной сетевой организации, деятельности по обеспечению перетока электрической энергии ее потребителям на розничном рынке электрической энергии, чьи энергопринимающие устройства опосредованно присоединены к электрическим сетям территориальной сетевой организации через объекты электросетевого хозяйства указанного собственника (владельца).

Конституционный Суд признал оспоренное положение не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно исключает для собственника (владельца) объектов электросетевого хозяйства, через которые опосредованно присоединены к электрическим сетям территориальной сетевой организации энергопринимающие устройства иных потребителей,

возможность возмещения расходов, понесенных им в связи с обеспечением перетока электрической энергии тем ее потребителям, договоры о технологическом присоединении с которыми были заключены им в статусе территориальной сетевой организации.

Впредь до вступления в силу нового регулирования оспоренное положение подлежит применению в действующей редакции.

13. Постановлением от 25 июня 2019 года № 25-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 3 статьи 1085 и пункта 1 статьи 1087 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о возможности в порядке возмещения вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцати лет (малолетнего), признанного инвалидом и нуждающегося по состоянию здоровья в постоянном постороннем уходе (далее — малолетнего, признанного инвалидом и нуждающегося по состоянию здоровья в постоянном постороннем уходе), взыскания расходов на услуги сиделки, в случае если имеется судебное решение о взыскании в его пользу бессрочно расходов на постоянный посторонний уход.

Конституционный Суд признал спорные нормы не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что наличие судебного решения о взыскании в пользу малолетнего, признанного инвалидом и нуждающегося по состоянию здоровья в постоянном постороннем уходе, бессрочно расходов на такой уход не исключает возможности в порядке возмещения причиненного ему вреда взыскать в последующем необходимые расходы, в том числе на услуги сиделки, или увеличить размер взыскания таких расходов, если судом установлено изменение обстоятельств, влияющих на определение размера возмещения, и гражданин не имеет права на получение соответствующей помощи и ухода бесплатно или за частичную плату либо при наличии такого права он был фактически лишен возможности получить такую помощь качественно и своевременно.

14. Постановлением от 3 июля 2019 года № 26-П Конституционный Суд дал оценку конституционности статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 10 статьи 85 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании решается вопрос о возложении на муниципальное образование обязанности возместить гражданину за счет местного бюджета ущерб, причиненный в связи со сносом по решению суда принадлежащих ему построек, возведенных на земельном участке, предоставленном местными органами государственной власти РСФСР для ведения

садоводства и расположенном в охранной зоне опасного производственного объекта.

Конституционный Суд признал спорные нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они предполагают возложение вышеуказанной обязанности исключительно на муниципальное образование.

Конституционный Суд также установил, что впредь до введения нового законодательного регулирования суды при рассмотрении требований о возмещении ущерба, причиненного сносом построек, возведенных в границах охранных зон по причине ненадлежащего исполнения своих обязанностей органами власти на местах до разделения публичной власти на муниципальную и государственную, должны во всяком случае учитывать влияние на соответствующие негативные последствия применительно к конкретным правоотношениям отмеченных Конституционным Судом недостатков нормативного правового регулирования, действующего на момент возведения постройки и ее последующей эксплуатации, избегая возложения исключительно на муниципальное образование обязанности возместить гражданину ущерб за счет местного бюджета. При этом при рассмотрении заявлений о возмещении ущерба в рассматриваемом случае суды должны привлекать в качестве соответчиков соответствующие государственные органы, если в исковом заявлении гражданина в качестве ответчика будет указано только муниципальное образование.

15. Определением от 11 июля 2019 года № 1838-О Конституционный Суд выявил смысл положений пунктов 15, 15.1 и 16.1 статьи 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Оспоренными положениями определяются некоторые вопросы относительно порядка, способов и условий страхового возмещения вреда, причиненного транспортному средству потерпевшего, в частности осуществление страховой выплаты при наличии соглашения в письменной форме между страховщиком причинителя вреда и потерпевшим, которое может быть заключено между ними в связи с отсутствием у страховщика заключенных договоров на организацию восстановительного ремонта.

Как отметил Конституционный Суд, позволяя сторонам в случаях, предусмотренных Законом, отступить от установленных им общих условий страхового возмещения, оспариваемые нормы не допускают истолкования и применения вопреки положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, которые относят к основным началам гражданского законодательства принцип добросовестности участников гражданских правоотношений, недопустимость извлечения кем-либо преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункты 3 и 4 статьи 1), и не допускают осуществления гражданских прав исключительно с на-

мерением причинить вред другому лицу, как и действий в обход закона с противоправной целью, а также иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребления правом) (пункт 1 статьи 10).

16. Определением от 13 мая 2019 года № 1197-О Конституционный Суд выявил смысл положений абзаца седьмого статьи 3 и статьи 77 Федерального закона «Об охране окружающей среды», части первой статьи 56 Федерального закона «О животном мире» и статьи 58 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Оспоренными положениями устанавливается обязанность юридических и физических лиц по возмещению вреда, причиненного окружающей среде, в том числе объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания.

Как отметил Конституционный Суд, лицо, которому предоставлено право пользования лесным участком, при совершении одних и тех же действий, связанных с рубкой лесных насаждений, является субъектом разных правоотношений: регулируемых как преимущественно лесным законодательством (осуществление разрешенной государством деятельности по заготовке древесины), так и законодательством о животном мире и об охоте (возмещение вреда объектам животного мира (охотничьим ресурсам) и среде их обитания). Проведение мероприятий по лесовосстановлению является не мерой возмещения экологического вреда в натуральной форме (статья 1082 ГК Российской Федерации), а непременным условием получения разрешения на осуществление деятельности по заготовке древесины; воспроизводство лесов хотя и выполняет важнейшую климаторегулирующую роль (способствует выработке кислорода, защите от ветровой и водной эрозии почв, абсорбции вредных выбросов и т.д.), не способно в полной мере восстановить нарушенное хозяйственной деятельностью равновесие в экосистеме.

17. Определением от 19 сентября 2019 года № 2145-О Конституционный Суд выявил смысл положений подпункта 3 пункта 6 статьи 1483 и статьи 1508 Гражданского кодекса Российской Федерации. Оспоренные положения ГК Российской Федерации устанавливают запрет на регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, тождественных или сходных до степени смешения с товарными знаками других лиц, признанными в установленном данным Кодексом порядке общеизвестными в Российской Федерации товарными знаками, в отношении однородных товаров (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ, которым данный пункт был дополнен словами «с даты более ранней, чем приоритет заявленного обозначения» (подпункт 3 пункта 6 статьи 1483), и общие правила о правовой охране общеизвестного товарного знака (статья 1508)).

Как отметил Конституционный Суд, оспариваемые нормы, рассматриваемые в системе действующего регулирования, исключают произвольное определение правообладателем даты, с которой его товарный знак может быть признан общеизвестным решением Роспатента.

Положения гражданского законодательства исключают признание в качестве общеизвестного товарного знака (используемого в качестве товарного знака обозначения) хотя и отвечавшего ранее признакам общеизвестного товарного знака, но переставшего им соответствовать на момент подачи его правообладателем заявления о признании данного товарного знака (обозначения) общеизвестным.

В случае противопоставления общеизвестного товарного знака спорному товарному знаку правообладатель последнего не лишен возможности в рамках надлежащей административной или судебной процедуры представлять доказательства отсутствия общеизвестности противопоставленного общеизвестного товарного знака на дату приоритета его товарного знака.

18. Определением от 19 сентября 2019 года № 2182-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 3 части 1 статьи 9 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

Согласно оспоренным положениям к участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих относятся прапорщики и мичманы, общая продолжительность военной службы по контракту которых составит три года начиная с 1 января 2005 года, причем указанные лица, которые заключили первые контракты о прохождении военной службы до 1 января 2005 года и общая продолжительность военной службы по контракту которых по состоянию на 1 января 2005 года составляла не более трех лет, могут стать участниками накопительно-ипотечной системы, изъявив такое желание.

Как указал Конституционный Суд, установление Законом круга лиц, являющихся участниками накопительно-ипотечной системы, само по себе не умаляет право на жилище других категорий военнослужащих, не указанных в оспоренных положениях (в том числе прапорщиков и мичманов, общая продолжительность военной службы которых по контракту по состоянию на 1 января 2005 года превышала три года), поскольку для них сохраняются иные — закрепленные в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» и в прочих законодательных актах — формы жилищного обеспечения.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

19. Постановлением от 17 апреля 2019 года № 18-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и ста-

тьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения регламентируют обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора, а также содержание описательно-мотивировочной части обвинительного приговора. Указанные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании приговором суда решается вопрос о сохранении после вступления приговора в законную силу ареста, наложенного в рамках производства по уголовному делу на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они позволяют сохранять после вступления приговора в законную силу указанный арест. Сохранение ареста на имущество лица, не являющегося обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за его действия, в целях обеспечения гражданского иска после вступления приговора в законную силу означает несоразмерное и необоснованное умаление права собственности, не отвечает конституционным критериям справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод, не обеспечивает гарантии охраны собственности законом, вытекающие из принципа неприкосновенности собственности, а также гарантии судебной защиты.

20. Постановлением от 22 мая 2019 года № 20-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренному положению суд первой инстанции в составе судьи районного суда, гарнизонного военного суда и коллегии из шести присяжных заседателей рассматривает по ходатайству обвиняемого уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105, частью пятой статьи 228.1, частью четвертой статьи 229.1, статьями 277, 295, 317 и 357 УК Российской Федерации, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь в соответствии с положениями части четвертой статьи 66 и части четвертой статьи 78 данного Кодекса, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 105 и частью четвертой статьи 111 данного Кодекса, за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, как допускающее — в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 325 данного Кодекса — возможность рассмотрения судом с участием присяжных засе-

дателей уголовного дела по обвинению в совместном совершении преступления лица, достигшего к моменту его совершения совершеннолетия, и несовершеннолетних лиц в случае, если суд придет к выводу о невозможности выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетних в отдельное производство ввиду того, что это будет препятствовать всесторонности и объективности разрешения дела, выделенного в отдельное производство, и дела, рассматриваемого судом с участием присяжных заседателей, и при условии отсутствия среди вмененных подсудимым тех преступлений, дела о которых выведены из предметной подсудности суда с участием присяжных заседателей.

21. Постановлением от 13 июня 2019 года № 23-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой оно служит основанием для решения вопроса об определении продолжительности разумного срока уголовного судопроизводства в части установления момента начала его исчисления для лица, признанного потерпевшим по уголовному делу в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом (далее — потерпевший), в случаях, когда производство по данному уголовному делу завершилось постановлением обвинительного приговора.

Конституционный Суд признал спорную норму не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она позволяет при определении разумного срока уголовного судопроизводства для потерпевшего не учитывать период со дня подачи им заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела об этом преступлении в вышеуказанных случаях.

Конституционный Суд также постановил, что впредь до внесения соответствующих законодательных изменений при определении разумного срока уголовного судопроизводства для потерпевшего в обозначенной ситуации следует руководствоваться положениями части 3.3 статьи 6.1 УПК Российской Федерации.

22. Постановлением от 9 июля 2019 года № 27-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения указанной статьи, в том числе пункт 1 примечаний к ней, являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании в нормативном единстве с предписаниями статьи 10 данного Кодекса решается вопрос о возможности включения страховых взносов в состав подлежащих уплате публичных платежей для целей квалификации уклонения от уплаты налогов с организации, совершенного до вступления в силу изменений, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 250-ФЗ.

Конституционный Суд признал оспоренные положения в действующей редакции, изложенной Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 250-ФЗ, не противоречащими Конституции Российской Федерации, как предполагающие придание этим положениям обратной силы в части включения страховых взносов в состав платежей, учитываемых для целей квалификации уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с организации, совершенного до вступления в силу данного Федерального закона, если такое включение приведет к уменьшению доли неуплаченных организацией платежей в сумме подлежащих уплате ею платежей в совокупности (с учетом полноты исполнения обязанности по уплате страховых взносов за соответствующий период), что будет означать улучшение правового положения лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

23. Постановлением от 17 июля 2019 года № 28-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос об отказе подсудимого от помощи защитника по назначению, притом что в уголовном деле участвует защитник по соглашению.

Конституционный Суд признал спорные нормы не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу они не предполагают, что дознаватель, следователь или суд может оставить без удовлетворения заявление лица об отказе от защитника по назначению при участии в уголовном деле защитника по соглашению, если отсутствует злоупотребление правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного защитника.

24. Определением от 11 апреля 2019 года № 862-О Конституционный Суд выявил смысл положений части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Оспоренными положениями устанавливается уголовная ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации); преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления (часть вторая статьи 35 УК Российской Федерации).

Конституционный Суд отметил, что часть вторая статьи 162 УК Российской Федерации предполагает оценку деяния как разбоя лишь для тех соучастников, кто применил физическое или психическое насилие либо воспользовался им для хищения чужого имущества, т.е. осознавал факт насилия и факт посягательства не на один объект (собственность), а на два или более объекта

уголовно-правовой охраны (собственность, жизнь, здоровье). Те же участники группы лиц по предварительномуговору, которые продолжили участие в изъятии либо удержании чужого имущества, не осознавая изменение способа хищения при эксцессе других исполнителей, должны нести ответственность исходя из тех признаков преступления, которые охватывались их умыслом.

Следовательно, оспоренные положения призваны обеспечивать дифференциацию уголовной ответственности и назначение лицу справедливого наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, лишь за те общественно опасные действия и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

25. Определением от 11 апреля 2019 года № 855-О Конституционный Суд выявил смысл положений статей 61, 64, 65 и 278.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения регулируют институт отвода судьи в уголовном судопроизводстве и закрепляют полномочие суда, рассматривающего уголовное дело, поручить суду по месту нахождения свидетеля организовать проведение допроса свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи.

Конституционный Суд указал, что, несмотря на то, что судья по месту нахождения свидетеля не входит в состав суда, рассматривающего дело, он, организуя судебный допрос по видео-конференц-связи, по существу, выполняет публично-правовую функцию содействия правосудию, поэтому на него также распространяются вытекающие из принципа законности требования беспристрастности, проверка соблюдения которых во всяком случае обеспечивается в ходе дальнейшего производства по делу при проверке и оценке полученных доказательств, проверке законности и обоснованности судебных решений.

26. Определением от 11 апреля 2019 года № 865-О Конституционный Суд выявил смысл положений части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения устанавливают ответственность за мошенничество с использованием своего служебного положения.

Такое преступление, будучи отнесенным к преступлениям против собственности, не сводится к получению взятки и в то же время, оставаясь коррупционным преступлением, не исчерпывается лишь мошенническим хищением чужого имущества. Его системообразующие признаки, формируя в своем единстве сложный состав преступления, определяют совокупную повышенную опасность этого деяния (в сравнении не только с административно наказуемым мелким мошенничеством, но и с неквалифицированным мошенничеством, наказуемым в уголовном порядке) и, как следствие, иную степень его пенализации. При разграничении

этих деяний необходимо оценивать как наступившие в результате их совершения негативные последствия в виде имущественного ущерба, так и потенциальные риски для других конституционных ценностей.

27. Определениями от 11 апреля 2019 года № 863-О и от 6 июня 2019 года № 1507-О Конституционный Суд выявил смысл положений статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации».

Оспоренными положениями определяются в том числе вопросы о возможности проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката.

Как отметил Конституционный Суд, в силу сложившегося правового режима, а также с учетом правовых позиций Конституционного Суда положения статьи 113 УПК Российской Федерации не предполагают привод адвоката к следователю для его допроса в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием им юридической помощи, без предварительного судебного решения.

Проведение таких процессуальных действий в отношении адвоката, участвующего в уголовном деле в качестве защитника, с применением правовых норм вопреки их смыслу, выявленному Конституционным Судом в его решениях, само по себе не может служить основанием для отстранения этого адвоката от дальнейшего участия в качестве защитника в данном уголовном деле.

28. Определением от 6 июня 2019 года № 1509-О Конституционный Суд выявил смысл пункта 1 примечаний к статье 157 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям неуплатой родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, если это деяние совершено неоднократно, признается неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Как отметил Конституционный Суд, уголовная ответственность лица, не уплачивающего средства на содержание несовершеннолетних детей, в указанных обстоятельствах связана с тем, что на момент совершения этого деяния лицо было подвергнуто административному наказанию, т.е. с наличием у такого лица состояния административной наказанности.

Отвечаем на Ваши вопросы (с участием СПС «Гарант»)

Гражданин приобрел квартиру 6 ноября 2014 г. При заключении договора на поставку электроэнергии с энергосбытом выяснилось, что у предыдущего хозяина есть долг за электроэнергию. При заключении договора гражданину открыли новый лицевой счет, сняли копию договора купли-продажи квартиры и сказали, что долг будут взыскивать с предыдущего хозяина.

Каждую неделю приходят люди и присылают по почте квитанции о долге за период с 1 июня 2013 г. по 1 июля 2014 г. Грозятся отключить электроэнергию. В абонентском отделе говорят, что не надо было покупать квартиру с долгом, долг был продан коллекторам.

Принадлежит ли долг предыдущих собственников квартиры новому собственнику?

В соответствии со ст. 210 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), ч. 3 ст. 30, ст. 39 Жилищного кодекса РФ (далее — ЖК РФ) собственник жилого помещения несет бремя содержания данного помещения, а также общего имущества собственников помещений в соответствующем многоквартирном доме, если иное не предусмотрено федеральным законом или договором.

Положения ч. 1 и п. 5 ч. 2 ст. 153 ЖК РФ устанавливают обязанность граждан и организаций своевременно и полностью вносить плату за жилое помещение и коммунальные услуги, а также определяют момент возникновения данной обязанности у собственника жилого помещения, который совпадает с моментом приобретения права собственности на жилое помещение. В подпункте «а» п. 3 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, также указано, что коммунальные услуги предоставляются собственнику жилого помещения и проживающим с ним лицам с момента возникновения права собственности на жилое помещение (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности»).

Поскольку жилое помещение является недвижимым имуществом, то право собственности на него возникает с момента внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр (п. 2 ст. 8.1, п. 1 ст. 131, п. 2 ст. 223, ст. 551 ГК РФ).

Таким образом, жилищное законодательство связывает момент возникновения обязанности по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги для покупателя жилья исключительно с возникновением права собственности на это помещение или с моментом государственной регистрации права.

Следовательно, плата за жилое помещение и коммунальные услуги, исходя из буквального содержания приведенных норм, должна начисляться приобретателю жилого помещения с даты внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости о возникновении у него права собственности на это помещение, так как именно с этого момента у приобретателя возникает данное право. Суды в подобных ситуациях единодушно отмечают, что новый собственник жилого помещения не несет ответственности по оплате задолженности, образовавшейся при предыдущем собственнике, если иное не предусмотрено договором между ними (смотрите, к примеру, апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда г. Санкт-Петербурга от 13 ноября 2013 г. по делу № 33-17688/2013, решение Североморского городского суда Мурманской области от 19 августа 2013 г. по делу № 2-1647/2013, решение Пермского районного суда Пермского края от 22 сентября 2010 г. по делу № 2-1675/2010, определение СК по гражданским делам Томского областного суда от 27 ноября 2012 г. по делу № 33-2992/2012).

Ответ подготовил:

*Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Амирова Лариса*

Квартира была приватизирована наследодателем. На момент приватизации в квартире с наследодателем проживали жена и двое детей. Они отказы не писали. Наследодатель завещал все имущество внуку. Внук не претендует на данную квартиру.

В какие сроки и как вывести из наследственной массы квартиру, в которой наследодатель не проживал более 13 лет и все затраты на содержание и ремонт которой несла его жена?

В силу ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. При этом согласно ст. 1150 ГК РФ при наследовании нисколько не умаляется право пережившего супруга на часть имущества, нажи-

того во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью. Доля умершего супруга в этом имуществе, определяемая в соответствии со статьей 256 настоящего кодекса, входит в состав наследства и переходит к наследникам в соответствии с правилами, установленными настоящим кодексом.

В соответствии с п. 1 ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Однако имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью (п. 1 ст. 36 СК РФ).

Согласно ст. 1 Закона РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-I «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» приватизация жилых помещений представляет собой бесплатную передачу в собственность граждан Российской Федерации на добровольной основе занимаемых ими жилых помещений в государственном и муниципальном жилищных фондах. Соответственно, имущество, приобретенное одним из супругов в порядке приватизации (по безвозмездной сделке), по общему правилу не входит в состав общего супружеского имущества (смотрите, например, апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 28 ноября 2012 г. по делу № 11-25356/12). В связи с этим выделение его из наследственной массы приобретателя в качестве супружеской доли невозможно.

Семейный кодекс РФ позволяет признать имущество одного из супругов их совместной собственностью, если будет установлено, что в период брака за счет общего имущества супругов или имущества каждого из супругов либо труда одного из супругов были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование и другие) (ст. 37 СК РФ). Таким образом, возможно предъявление иска к наследнику о признании квартиры совместной собственностью супругов, выделении супружеской доли. Однако для удовлетворения такого иска судом истцу необходимо обладать доказательствами своих вложений в квартиру, значительно увеличивающих ее стоимость. Обратите внимание на то, что в ст. 37 СК РФ не идет речь о расходах на содержание имущества (расходах на коммунальные платежи), в том числе поддержание его в надлежащем состоянии (расходах на текущий ремонт).

Несение супругой расходов на квартиру (на коммунальные платежи, на текущий ремонт) может служить основанием для признания ее кредитором наследодателя, поскольку последний, будучи собственником жилого помещения, был обязан нести бремя его содержания солидарно с членами своей семьи (ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 31 ЖК РФ). Соответственно, если расходы несла только супруга, она приобрела право регрессного требования к наследодателю за вычетом доли, падающей на нее саму

(подп. 1 п. 2 ст. 325 ГК РФ), если иное не было установлено соглашением между ней и наследодателем. Поэтому она может заявить денежные требования к наследнику в порядке ст. 1175 ГК РФ.

Тот факт, что на момент приватизации в квартире проживала супруга и дети приобретателя, которая не участвовала в приватизации, но давала согласие на приватизацию квартиры супругом, без чего приватизация была бы невозможна (ст. 2 Закона № 1541-I), имеет значение для определения ее жилищных прав на эту квартиру. Так, согласно ст. 19 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» действие положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ не распространяется на бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования этим помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 постановления от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», к таким лицам не может быть применен п. 2 ст. 292 ГК РФ, так как, давая согласие на приватизацию занимаемого по договору социального найма жилого помещения, они исходили из того, что право пользования данным жилым помещением для них будет носить бессрочный характер и, следовательно, оно должно учитываться при переходе права собственности на жилое помещение по соответствующему основанию к другому лицу (например, купля-продажа, мена, дарение, рента, наследование).

Иными словами, у супруги в данном случае имеется право бессрочного пользования данной квартирой, которое не прекращается с переходом права собственности на нее к наследнику. Однако право собственности данной гражданке норма ст. 19 Закона № 189-ФЗ не предоставляет.

В случае если наследник не претендует на данную квартиру, стороны не лишены права заключить договор о ее отчуждении (купли-продажи, дарения). Отказаться от квартиры в процедуре наследования в пользу другого лица нельзя, поскольку в силу п. 3 ст. 1158 ГК РФ отказ от части причитающегося наследнику наследства по общему правилу не допускается.

Ответ подготовил:

*Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Прибыткова Мария*

Работодатель желает избирательно установить веб-камеры над рабочими столами некоторых сотрудников, для того чтобы контролировать время их прихода и ухода, а также отслеживать нахождение на рабочем

месте во время рабочего дня, выполнение трудовых обязанностей.

Правомерно ли это?

Предваряя ответ на вопрос, отметим, что в настоящее время вопрос о правомерности установки систем видеонаблюдения работодателями и процедура такой установки прямо законодательством не регламентируются.

С одной стороны, работодатель, в силу своей хозяйственной власти над работником, вправе в том числе осуществлять контроль за его поведением на рабочем месте, соблюдением дисциплины труда, правил внутреннего трудового распорядка и т.п. любым не запрещенным законом способом, включая и видеонаблюдение. С другой стороны, изображение работника, получаемое в процессе видеофиксации, в соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Закон № 152-ФЗ), является его персональными данными, а потому должен соблюдаться режим конфиденциальности полученной информации, установленный действующим законодательством.

Так, Конституцией РФ гарантируется право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ст. 23, 24 Конституции РФ).

В части 8 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» прописано, что запрещается требовать от гражданина (физического лица) предоставления информации о его частной жизни, в том числе информации, составляющей личную или семейную тайну, и получать такую информацию помимо воли гражданина (физического лица), если иное не предусмотрено федеральными законами.

Причем ни один нормативно-правовой акт не раскрывает содержания понятия «неприкосновенность частной жизни». Так, в определении Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О указано, что право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер.

То есть по смыслу закона частная жизнь — это те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других. Неприкосновенность частной жизни в этом аспекте означает невмешательство кого-либо в приватную сферу человека, его личную жизнь. Однако рабочее место работника не является его интимной сферой. Трудовая

деятельность человека — вид общественно полезной деятельности, в которую его личная жизнь не интегрирована. Следовательно, рабочее место не может быть той средой обитания, которая неприкосновенна.

Суды, как правило, не усматривают в действиях работодателей, установивших на рабочих местах видеонаблюдение, нарушения права работников на неприкосновенность частной жизни, мотивируя свои решения тем, что видеозапись не преследует цель вмешательства в частную жизнь работника, его личную, семейную тайну, а лишь фиксирует неисполнение работником его трудовых обязанностей (смотрите, например, апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 10 сентября 2012 г. № 11-20012, решение Химкинского городского суда (Московская область) от 15 января 2014 г. по делу № 2-5816/2013). Кроме того, видеозапись рабочего процесса не является раскрытием персональных данных работника в том смысле, которые придают им нормы Трудового кодекса РФ, регулирующие защиту персональных данных работника (апелляционное определение СК по гражданским делам Красноярского краевого суда от 20 февраля 2017 г. по делу № 33-2314/2017, определение Московского городского суда от 8 декабря 2016 г. № 33-49698/16, определение Московского городского суда от 26 апреля 2019 г. по делу № 4г-4823/2019).

По своей сути видеоизображение гражданина относится к категории его биометрических персональных данных (ч. 1 ст. 11 Закона № 152-ФЗ). В данной норме сказано, что их обработка допускается только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных при условии, что эти сведения используются оператором лишь для установления личности субъекта персональных данных. Исключения из этого правила поименованы в ч. 2 ст. 11 Закона № 152-ФЗ. Из разъяснений Роскомнадзора следует, что в случае, когда получаемая оператором информация о субъекте персональных данных, включая фото-, видеоизображение, не связана с проведением процедур идентификации (установления личности) гражданина, данные действия не могут считаться обработкой биометрических персональных данных и ст. 11 Закона № 152-ФЗ не регулируются. Следовательно, обработка сведений в данных случаях осуществляется в соответствии с общими требованиями, установленными Законом № 152-ФЗ (смотрите разъяснения Роскомнадзора от 30 августа 2013 г. по вопросам отнесения фото-, видеоизображений, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенностей их обработки).

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 86 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) обработка персональных данных работника может осуществляться работодателем исключительно в целях обеспечения соблюдения законов и иных нормативных правовых актов, содействия работникам в трудоустройстве, получении образования и продвижении по службе, обеспечения личной безопасности работников,

контроля количества и качества выполняемой работы и обеспечения сохранности имущества.

Порядок хранения и использования персональных данных работников устанавливается работодателем с соблюдением требований ТК РФ и иных федеральных законов (ст. 87 ТК РФ).

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 86 ТК РФ работники и их представители должны быть ознакомлены под подпись с документами работодателя, устанавливающими порядок обработки персональных данных работников, а также об их правах и обязанностях в этой области. Работодатель должен осуществлять передачу персональных данных работника в пределах одной организации в соответствии с локальным нормативным актом, с которым работник также должен быть ознакомлен под подпись (ст. 88 ТК РФ).

Из приведенных норм следует, что работодатель обязан принять локальный нормативный акт, регулирующий порядок осуществления видеонаблюдения, и ознакомить с ним под подпись каждого работника. Отсутствие такого акта может быть расценено как нарушение трудового законодательства (смотрите, например, постановление ФАС Московского округа от 26 октября 2006 г. № КА-А40/10220-06).

В силу ст. 88 ТК РФ доступ к персональным данным работников должны иметь только специально уполномоченные лица. При этом указанные лица вправе получать только те персональные данные работника, которые необходимы для выполнения конкретных функций. Помимо этого, лица, получающие персональные данные работника, обязаны соблюдать режим конфиденциальности. Поэтому работники, ответственные за видеонаблюдение, в обязательном порядке должны быть ознакомлены с положением о защите персональных данных.

Таким образом, для введения в действие системы видеонаблюдения на рабочих местах необходимо: принять локальный акт, регламентирующий порядок организации, цели, задачи видеонаблюдения, меры по охране полученных персональных данных, ответственных лиц и т.п.; ознакомить каждого работника с этим локальным актом под подпись; внести соответствующие дополнения в правила внутреннего трудового распорядка и положение о защите, хранении, обработке и передаче персональных данных работников, с которыми также ознакомить всех работников под подпись; в помещениях установить оповещающие таблички о том, что ведется видеонаблюдение, так как работник имеет право на получение полной достоверной информации об условиях труда и требованиях охраны труда на рабочем месте (ст. 21 ТК РФ).

По нашему мнению, при соблюдении перечисленных условий внедрение системы видеонаблюдения на рабочих местах не будет противоречить действующему законодательству.

Ответ подготовил:

*Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Амирова Лариса*

Если родители ребенка разведены, нужно ли согласие отца на вывоз ребенка с матерью за границу на отдых?

Согласно ст. 20 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее — Закон № 144-ФЗ) несовершеннолетний гражданин Российской Федерации, как правило, выезжает из Российской Федерации совместно хотя бы с одним из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей. В случае, если несовершеннолетний гражданин Российской Федерации выезжает из Российской Федерации без сопровождения, он должен иметь при себе, кроме паспорта, нотариально оформленное согласие названных лиц на выезд несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации с указанием срока выезда и государства (государств), которое (которые) он намерен посетить.

Из буквального толкования данной нормы следует, что если ребенок выезжает за границу совместно с одним из родителей, то нотариально заверенное согласие второго родителя не требуется. Это объясняется тем, что согласно п. 1 ст. 61 СК РФ родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права). При этом, по смыслу действующего семейного законодательства, предполагается, что родители осуществляют родительские права в отношении ребенка по взаимному соглашению. Случаи, когда в обязательном порядке требуется выяснение позиции каждого из родителей, прямо предусмотрены законом, и выезд ребенка за пределы Российской Федерации к таким случаям не относится.

Аналогичный вывод содержится и в письмах ФСБ России от 17 июня 2015 г. № 21/7/3/Е-2110, от 27 июня 2007 г. № 21/1/7/3, разъяснениях Пограничной службы ФСБ России, с которыми можно ознакомиться, перейдя по ссылке: http://ps.fsb.ru/dpk/oficial_materialy/puteshestviya.htm: в случае выезда из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации совместно с одним из родителей согласия на выезд ребенка за границу от второго родителя не требуется.

Таким образом, для выезда ребенка за пределы Российской Федерации в сопровождении одного из родителей нотариально оформленное согласие второго родителя не требуется. Однако для въезда в ряд стран такое разрешение необходимо.

Так, например, согласно ст. 10, 14 Регламента Европейского парламента и Совета Европейского союза 810/2009 от 13 июля 2009 г., устанавливающего Кодекс Сообщества о визах (Визовый кодекс), при подаче ходатайства о предоставлении визы для въезда на территорию одного или нескольких других государств-членов заявитель предъявляет, в частности, подтверждающие документы. В их числе п. 1 раздела С приложения II к указанному регламенту упоминает документы, относящиеся

к семейному положению ходатайствующего лица, а именно согласие родителей или опекуна/попечителя (когда несовершеннолетний отправляется в поездку без своих родителей или своего опекуна/попечителя).

Согласно ст. 21 Закона № 114-ФЗ один из родителей, усыновителей, опекунов вправе заявить о своем несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации. Порядок подачи, рассмотрения и ведения учета заявлений о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации утвержден приказом МВД России от 11 февраля 2019 г. № 62.

Отметим, что согласно п. 1 ст. 65 СК РФ родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Поэтому необоснованный отказ одного из родителей в даче разрешения на выезд несовершеннолетнего ребенка за пределы Российской Федерации может быть расценен как злоупотребление своими родительскими правами. В этой связи рекомендуем ознакомиться с судебной практикой (смотрите, например, определение Верховного Суда РФ от 11 марта 2014 г. № 5-КГ14-2).

*Ответ подготовил:
Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Васильев Александр*

Супруги решили развестись. Еще до брака они приобрели квартиру в ипотеку, платежи вносили совместно из общих денег. Впоследствии они зарегистрировали брак и продолжали осуществлять платежи по ипотеке. На данный момент ипотека выплачена, супругам предстоит развод.

Может ли супруга рассчитывать на возврат части суммы, уплаченной ею в счет ипотеки (собственником квартиры является супруг, и ипотека была оформлена на него)?

В соответствии с п. 1 ст. 33 Семейного кодекса РФ законным режимом имущества супругов является режим их совместной собственности. Законный режим имущества супругов действует, если брачным договором не установлено иное.

Согласно п. 1, 2 ст. 34 СК РФ, ст. 256 ГК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу (п. 1 и 2 ст. 34 СК РФ), является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст. 128, 129, п. 1 и 2 ст. 213 ГК РФ может быть объектом права собственности граждан, независимо от того, на имя кого из супругов оно было приобретено или внесены денежные средства, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Раздел общего имущества супругов производится по правилам, установленным ст. 38, 39 СК РФ и ст. 254 ГК РФ. В силу п. 1, 2 ст. 38 СК РФ раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов.

В статье 36 СК РФ приводится перечень оснований, при наличии которых имущество считается принадлежащим на праве собственности одному из супругов. Таковым является имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (смотрите также п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дела о расторжении брака»).

Следовательно, определяющими в отнесении имущества к отдельной собственности супругов (имущество каждого из супругов) являются время и основания возникновения права собственности на конкретное имущество у каждого из супругов (до брака или в браке, но по безвозмездным сделкам).

Поскольку в рассматриваемом случае квартира приобретена супругом до заключения брака, то она является его личным имуществом и разделу не подлежит. Равным образом и обязательство по оплате кредита является его личным обязательством. Исполнение за счет общих средств супругов добрачного обязательства одного из них не влечет изменение режима собственности, поскольку данное право возникло у приобретателя имущества вне зависимости от исполнения кредитного обязательства.

Однако то обстоятельство, что супруга принимала участие в погашении части долга, предоставляет ей право на предъявление иска о взыскании денежных средств, уплаченных в период брака в счет погашения ипотечного кредита, размер которых в силу состязательности гражданского процесса (ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ; далее — ГПК РФ) подлежит доказыванию (смотрите, например, апелляционное определение СК по гражданским делам Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 4 сентября 2017 г. по делу № 33-2109/2017, апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 18 июня 2018 г. по делу № 33-11580/2018, апелляционное определение СК по гражданским делам Алтайского краевого суда

от 2 декабря 2015 г. по делу № 33-11665/2015, апелляционное определение СК по гражданским делам Московского областного суда от 17 февраля 2016 г. по делу № 33-4491/2016).

*Ответ подготовил:
Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Амирова Лариса*

При подготовке искового заявления об оспаривании границ земельного участка нужно ли соблюсти досудебный порядок урегулирования спора?

В соответствии с п. 1 ст. 64 ЗК РФ земельные споры рассматриваются в судебном порядке.

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» споры, связанные с защитой права собственности и других вещных прав, рассматриваются судами в соответствии с подведомственностью дел, установленной ГПК РФ, Арбитражным процессуальным кодексом РФ (далее — АПК РФ), а также иными федеральными законами. К искам о правах на недвижимое имущество относятся, в частности, иски об установлении границ земельного участка.

1. В силу п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ судья возвращает исковое заявление в случае, если истцом не соблюден установленный федеральным законом для данной категории споров или предусмотренный договором сторон досудебный порядок урегулирования спора либо истец не представил документы, подтверждающие соблюдение досудебного порядка урегулирования спора с ответчиком, если это предусмотрено федеральным законом для данной категории споров или договором. Если же исковое заявление было принято к производству, но в ходе судебного разбирательства было установлено, что истцом не соблюден установленный федеральным законом для данной категории дел или предусмотренный договором сторон досудебный порядок урегулирования спора, то суд на основании ч. 1 ст. 222 ГПК РФ оставляет исковое заявление без рассмотрения.

Отметим, что ни Земельный кодекс РФ, ни иные нормативно-правовые акты не содержат указания на обязательный досудебный порядок разрешения земельных споров. Поэтому при обращении в суд общей юрисдикции с иском об установлении границ земельного участка соблюдение досудебного порядка урегулирования спора не требуется. Данный вывод подтверждается и судебной практикой: смотрите, например, определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2016 г. № 9-КГ16-10, апелляционное определение СК по гражданским делам Тверского областного суда от 5 июля 2016 г. по делу № 33-2824/2016, решение Дин-

ского районного суда Краснодарского края от 4 июня 2019 г. по делу № 2-1725/2019, апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 12 декабря 2018 г. по делу № 33-55277/2018, апелляционное определение СК по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 2 июня 2016 г. по делу № 33-13995/2016, определение Большесельского районного суда Ярославской области от 19 февраля 2019 г. по делу № 13-11/2019.

2. Иная ситуация складывается при рассмотрении дела об установлении границ земельного участка в арбитражных судах Российской Федерации.

В силу п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ арбитражный суд возвращает исковое заявление, если при рассмотрении вопроса о принятии заявления установит, что истцом не соблюден претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком, если такой порядок является обязательным в силу закона.

Из части 5 ст. 4 АПК РФ следует, что экономический спор, возникший из гражданских правоотношений, может быть передан на разрешение арбитражного суда после принятия сторонами мер по досудебному урегулированию по истечении тридцати календарных дней со дня направления претензии (требования), если иные срок и (или) порядок не установлены законом либо договором, за исключением дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, дел о несостоятельности (банкротстве), дел по корпоративным спорам, дел о защите прав и законных интересов группы лиц, дел приказного производства, дел, связанных с выполнением арбитражными судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов, дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений. Поскольку дела об установлении границ земельного участка не включены в данный перечень исключений, то при обращении в арбитражный суд с подобным иском требуется соблюсти досудебный порядок урегулирования спора. В этой связи смотрите судебную практику, например: постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 марта 2017 г. № 10АП-2587/17, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 июля 2017 г. № 11АП-8499/17, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 августа 2017 г. № Ф06-22316/17 по делу № А55-28993/2016.

Таким образом, необходимость досудебного порядка урегулирования спора о границах земельного участка зависит от того, каким судом будет рассматриваться дело — арбитражным или судом общей юрисдикции.

*Ответ подготовил:
Эксперт службы Правового консалтинга ГАРАНТ
Парасоцкая Елена*